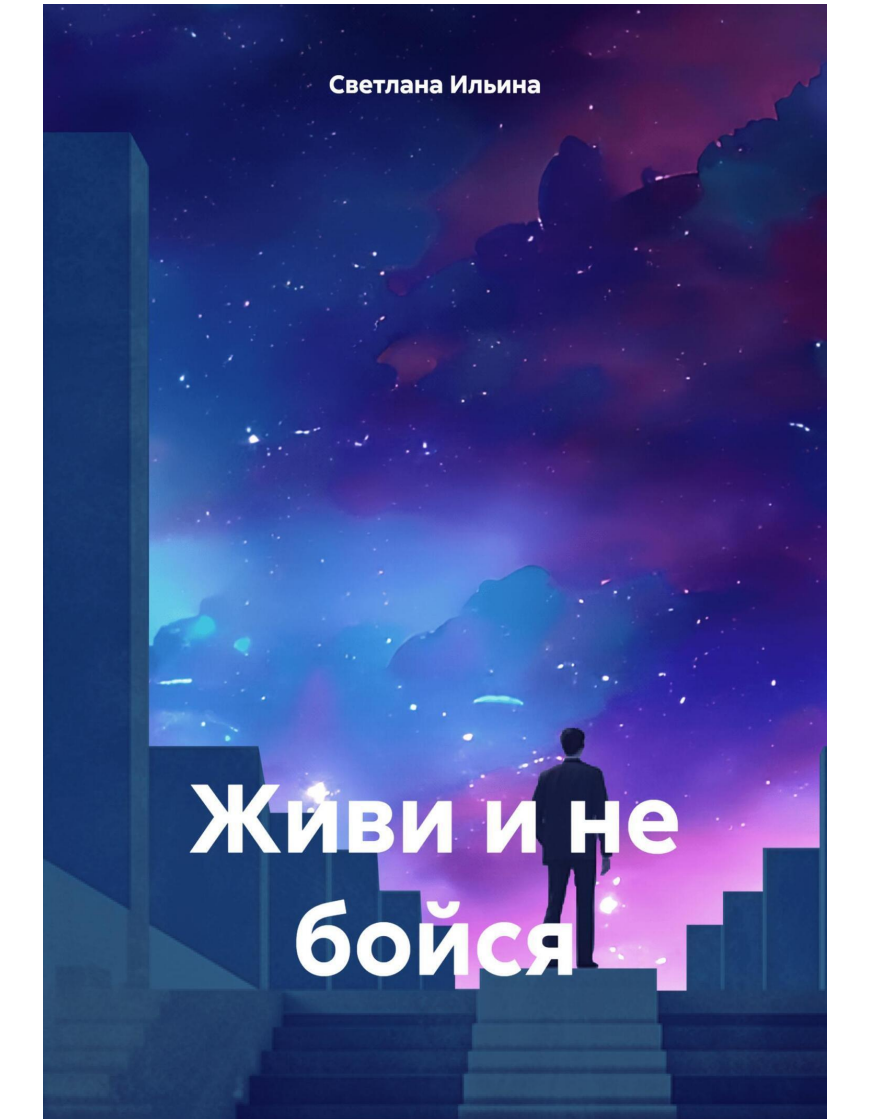

Светлана Ильина

The background of the entire image is a vibrant, cosmic scene. It features a deep blue and purple sky filled with stars, nebulae, and glowing clouds. In the foreground, a person in a dark suit stands on a wide, dark staircase that leads upwards. The person is seen from behind, looking towards the horizon where the sky meets the ground. The overall mood is one of aspiration and wonder.

Живи и не бойся

Светлана Викторовна Ильина

Живи и не бойся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70203445

SelfPub; 2024

Аннотация

Макс де Бошан, наполовину француз, наполовину русский, наслаждается жизнью. Неожиданно, словно в вихре, всё меняется в его судьбе. Он находит новую любовь, но, как герою русских сказок, нужно пройти много испытаний, чем-то пожертвовать и, главное, решить для себя, что ценнее всего на свете. Чем европеец отличается от русского? И почему эти два понятия нужно противопоставлять? На эти вопросы отвечает роман «Живи и не бойся», который можно назвать многожанровым. С одной стороны, это история любви людей, принадлежащих к разным культурным пластам. А с другой – это путь преображения главного героя. Элегантный Париж, бушующая распрями Украина 2014 года и загадочная Россия. Это книга о любви к Богу, ближнему и Родине, которая не всегда там, где родился.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	56
Глава 6	65
Глава 7	80
Глава 8	93
Глава 9	105
Глава 10	113
Глава 11	126
Глава 12	134
Глава 13	145
Глава 14	154
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Светлана Ильина

Живи и не бойся

Пролог

– Что с тобой происходит? Ты выглядишь несчастным.

– Мне стало душно, невыносимо жить и притворяться счастливым. Я хочу уехать...

– Но разве ты не был счастлив все эти годы?

– Да, раньше я наслаждался любовью, счастьем, красотой...

– А куда теперь всё это исчезло?

– Знаешь, как ответил бы тебе Гамлет:

"Как невыполотый сад, дай волю травам, зарастёт бурьяном,

С такой же безраздельностью весь мир заволокли грубые начала."

– Если таковой весь мир, стоит ли куда-нибудь бежать?

– Мне кажется, там, куда я стремлюсь, осталась ещё красота, иначе миру конец...

Глава 1

Париж выпустил из своих объятий, но напоминал о себе отдалённым шумом. Максим мчался на новеньком Рено и с удовольствием подставлял лицо весеннему солнцу, которое щедро делилось теплом с оживающей землёй. За окном мелькали уже осыпанные белыми цветами яблони и зазеленевшие поля бесчисленных виноградников, принадлежавших их богатой аристократической семье де Бошан.

Наблюдая за тем, как расцветает всё вокруг, Макс неожиданно понял, что абсолютно счастлив. Его жизнь напомнила ему старое доброе кино, у которого обязательно будет счастливый конец, так что можно и не волноваться. Макс и не волновался. У него было всё, о чём можно только мечтать: и дружная семья, и прекрасная профессия художника, и любимая девушка, чья красота могла свести с ума любого мужчину. Да можно ли быть более счастливым, чем он сейчас?

Машина набирала скорость, и вот уже впереди показался холм, на котором стоял дом бабушки Франсуазы, куда и направлялся Макс. Внешне это был старый двухэтажный особняк, окружённый кипарисами, но внутри всё было отделано с комфортом, на современный лад. Лишь некоторые антикварные предметы мебели и безделушки напоминали о длинной истории их рода.

Ах, как он любил этот дом! Это был дом его счастливого

детства, где добрые бабуля и дед позволяли им с двоюродным братом Жераром бегать и играть без всяких запретов. Максим знал, что и сейчас бабушка рада его видеть в любое время, и от этого с удовольствием навещал её. Только в последний раз его поразил крик дяди Бернарда, раздававшийся из бабушкиного кабинета. Воспоминание об этой странной сцене немного омрачило настроение Макса – он не представлял, какая муха укусила дядю, да и как он вообще посмел так кричать на пожилую женщину? Однако раздумывать об этом было уже некогда, машина подъехала к дому.

Максим зашёл внутрь и сразу почувствовал аромат бразильского кофе, который варили в этом доме непрерывно. Все предметы фойе и гостиной – венские стулья, изящные этажерки, старинные вазы, многочисленные фигурки на камине и даже хрустальная люстра из богемского стекла, казалось, были пропитаны этим запахом, проникающим из кухни. Макс любил кофе и с удовольствием вдохнул чуть терпкий аромат, а потом поднёс к носу букет белых роз, который приготовил для именинницы, словно проверяя – не пахнет ли он бразильским напитком.

На день рождения хозяйки дома всегда собиралось самое изысканное общество. Бабушка не терпела одиночества, поэтому редко можно было застать её одну, но сейчас был такой случай – он приехал раньше всех.

– Максимилиан, мальчик мой, – воскликнула стройная пожилая женщина с аккуратной причёской серебристо-се-

дых волос, — я ждала тебя первым и рада, что не ошиблась.

В последнее время ей стало трудно ходить, и теперь она опиралась на палку из благородного тёмного дерева с маленьким белым набалдашником.

Макс вручил букет и поцеловал бабушку в напудренную щёку, едва коснувшись губами. Франсуаза похлопала его по плечу.

— Твой брат уже звонил, скоро будет. Проходи в столовую, там для тебя сюрприз — новая картина. Если сможешь определить чья, припишу тебе её в завещании.

— Бабушка, скажи просто, что ты решила мне её подарить, потому что я отсюда вижу, что это Фанни Нушка Морэ. Только она всё время рисует девиц без лица, — уверенно заявил Макс и убедился в своей правоте, подходя к картине поближе. Красным цветом художница детально изобразила воздушное платье девушки, смазав, как обычно, лицо.

— Ладно, ладно, молодец. Но слово я сдержу — картина твоя. А я тут никак не могла вспомнить...

— Что вспомнить, бабуля?

— Составила я завещание или нет? — вдруг шёпотом спросила она.

Макс в удивлении посмотрел на неё. Совсем недавно она собрала их всех: Макса, мать Алис, её сестру Катрин, двоюродного брата Жерара и объявила, что собирается поделить наследство на четыре части и распределить поровну между ними.

Франсуаза заметила удивление внука, смутилась и перевела взгляд в окно. В большие окна гостиной они увидели, как к дому подъехали сразу три машины. В одной из них сидел Жерар, во второй его родители – Бернард и Катрин, а в третьей – родители Макса – Алис и Николя, потомок русских эмигрантов Елагиных.

Сначала фойе, а потом и гостиная наполнились многоголосьем, из которого можно было выделить бас дяди Бернарда и звонкий молодой смех Алис. Казалось, что они друзья, но Максим знал, что это не так. Алис всегда с опаской смотрела на зятя. Её пугали бесцеремонные манеры, его громкий, властный голос и запелляционный тон, который не допускал возражений. В спорных случаях маленькая Алис пряталась за широкую спину отца Макса – Николя, который словно не замечал недовольства свояка и поступал всегда по-своему.

Старшая сестра матери, Катрин, невысокая, как и её сестра, но более худая женщина, лет шестидесяти, с модной короткой стрижкой обесцвеченных волос, была молчаливой. Но во взгляде её голубых глаз Макс всегда видел не испуг перед громогласным супругом, а полное одобрение его деятельности и поведения.

Стремительной походкой к бабушке подошёл красавчик Жерар и преподнёс букет алых роз, также быстро чмокнув её в щёку, и, едва поздоровавшись с Максимом, тут же предъявил ему претензию:

– Ты не мог поставить машину поудобнее?

– Поудобнее для кого? – насмешливо спросил Макс.

Ему нравилось поддразнивать старшего брата, и сейчас он не мог отказать себе в маленьком удовольствии.

– Для всех и для тебя в том числе, – сухо ответил брат, делая вид, что рассержен.

– Мне было удобно оставить её именно в этом месте, а вашим машинам она не помешала, места у дома хватает. Зато, дорогой братец, ты обратил внимание на мою покупку.

– Мне не нравится Рено, и тебе это отлично известно, – отводя взгляд, ответил Жерар. Он не любил конфликты и только иногда напоминал, что он всё-таки старший брат.

– "На вкус и цвет товарищей нет", – так говорят русские, и они правы в этом философском вопросе.

– Может быть, – бросил Жерар и отошёл к Бернарду, делая вид, что у него срочный разговор.

Макс ещё позабавился в душе, наблюдая за Жераром, но он и сам не хотел никакого конфликта. Они были друзьями, которым было интересно друг с другом. Оба любили читать, правда, Макс больше русскую литературу, а Жерар французскую, но и тот, и другой в детстве переболели романами Дюма. И до сих пор, подражая мушкетёрам, они еженедельно сражались в клубе. Жерар всегда был Д'Артаньяном, а Макс не мог определиться: ему нравился и мужественный, но спокойный Атос и созерцательный Арамис. Жерар был старше на пять лет, но из-за внутренней сдержанности Макс в свои

тридцать лет иногда выглядел взрослее.

Братья де Бошан были очень похожи и, кто бы их не видел, сразу замечал сходство: оба смуглые (в деда испанца), с густыми тёмными волосами, покрывающими высокие лбы. Но у Жерара был тонкий нос, тонкие губы и голубые глаза, а у Максима нос был толстоват, широкий подбородок и глаза не голубые, а серые, словно в материнскую породу отец добавил густой черноты своих глаз, которая передавалась у русских дворян Елагиных по наследству. Со временем стали отличаться и их фигуры: при одинаковом высоком росте Макс раздался в плечах, а Жерар остался стройным и чуть худощавым.

Однако главным отличием были их характеры. Жерар, достойный сын опытного дельца Бернарда, источал энергию, которая всё время искала себе применения. Он работал в журнале отца и радовал того правильными статьями на самые злободневные темы. Максим тоже числился журналистом, но ему больше нравилось фотографировать и писать маслом портреты и пейзажи, продавая их туристам. Даже на шумных вечеринках он умудрялся заниматься любимым делом – рисовал карандашом портреты гостей. Гости к этому уже привыкли и с удовольствием брали рисунки домой. Не все вызывали интерес у художника, а потому каждый изображённый чувствовал себя польщённым, что удостоился его внимания.

Родственники по очереди поздравили Франсуазу и раз-

бредились по дому, ожидая остальных гостей и негромко переговариваясь друг с другом.

– Привет, сын, – поздоровался Николя, пожимая руку Макс, который сразу заметил какую-то заботу в глазах отца. Они разговаривали между собой всегда по-русски, и некоторые гости удивлённо и чуть недовольно покосились на них, так как не понимали ни слова.

– Папа, у тебя что-то случилось? – озаботился Макс, несколько не смущаясь от косых взглядов.

Николя ответил не сразу.

– Не волнуйся, это мои дела, тебя не касаются.

– Ты потом расскажешь мне? – настаивал Максим.

– Может быть, может быть...

Отец сел в мягкое кресло и стал читать журнал "l'Express français"¹, который выпускал его свояк. Дядя Бернард взял в руку бокал шампанского и тоже сел рядом. Макс заметил, что ширококостное лицо дяди, с большими чёрными бровями и глубоко посаженными карими глазами, было напряжено, словно он думал о чём-то неприятном. Через короткое время Бернард наклонился к отцу и что-то у него спросил, пристально вглядываясь в лицо Николя. Тот ответил тихо, но резко, так что дядя даже отпрянул.

"Что они обсуждают? И почему отец такой грустный? " – зарисовывая благородное, чуть вытянутое, лицо отца, думал Макс. Раньше он не замечал у них общих дел. Отец матери-

¹ Французский экспресс.

ально не зависел от их семьи де Бошан – он преподавал в русской школе, как его дед и прадед, и ему хватало на жизнь.

Однако Максим зависел от дяди. Тот печатал его комиксы про рыцаря Седрика, беря себе хорошие проценты. Кроме того, Макс часто ездил по Европе, по таким местам, которые выпадали из общепринятых туристических маршрутов, и делал репортажи. Дядя печатал их в своём журнале, и тех денег, которые он платил, Максу хватало, чтобы снимать квартиру в центре Парижа.

А гости всё прибывали. Бабушка Франсуаза чувствовала себя королевой, хотя, как истинная француженка, не чванилась, а каждому давала понять улыбкой и умной беседой, что именно он является самым дорогим и долгожданным, без которого вечер был бы не так хорош, и предметом разговора всегда был гость, а не она сама. Именно за это Максим её и любил. Ему вообще нравилась лёгкость общения благородного общества, которая позволяла обходить острые темы. Скрытое недовольство исходило только от дяди Бернарда. Он был деловым человеком, а потому презирал праздность и предпочитал использовать вечеринки, чтобы поговорить о делах с нужными людьми.

Звучали тосты в честь главы семейства де Бошан, каковой стала Франсуаза после смерти мужа. Все находили её красивой и чрезвычайно молодой для своих лет. Бабушка знала, что ей льстят, но всё равно довольно улыбалась. "Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!" – так кстати

всплыли в голове Макса стихи любимого Пушкина, когда он смотрел на именинницу.

Наконец, он увидел ту гостью, которую ждал больше всего – высокую, очень уверенную в себе блондинку – Валери, свою невесту. Нет, они ещё не были обручены, но Максим знал, что все были за этот брак: и родители, и бабушка, и особенно дядя Бернард. Последний не скрывал желания породниться с отцом Валери – влиятельным банкиром Дюраном, который спонсировал его журнал.

Валери обернулась к Макс, и он увидел её табачные глаза, тонкий, чуть вздёрнутый носик и непокорные завитки соломенных волос вокруг широкого лба. Глубокие ямочки на щеках и тонкая улыбка придавали её лицу чуть насмешливое выражение. В то же время Максиму часто казалось, что глаза девушки оставались серьёзными и слегка холодными даже тогда, когда губы её улыбались. Он не верил себе, но когда впервые рисовал её портрет, рука машинально передала то, что он ощущал. Валери осталась недовольна результатом, а потому он больше и не пытался её нарисовать.

– Ты чего такой грустный? – подходя к нему и одновременно здороваясь с целой кучей народа, спросила она.

– Тебе показалось, я рад тебя видеть, – улыбнулся Макс, целуя её в щёку и с наслаждением вдыхая тонкий аромат её духов.

– Вы с Жераром вроде и похожи, а когда посмотрю в твои глаза, сразу понимаю, какие разные у вас отцы. Жерар такой

деловой, шумный, а ты как твой отец – о чём-то всегда мечтаешь, – чуть насмешливо заметила Валери.

– Странно было бы, если бы я был как Бернард, а Жерар мечтательный, как мой отец. Тебе не кажется? – нашёлся Макс, обнимая её за талию.

Франсуаза позвала гостей за стол, и шумные компании, не прекращая что-то обсуждать, двинулись в просторную столовую.

Здесь дизайнеру было позволено внести в интерьер чуть больше роскоши, чем в гостиной. На комодах, стоящих на высоких ножках возле большого зеркала, разместились дорогие китайские вазы, купленные ещё предками де Бошан. Но расположены они были не симметрично, потому что, по мнению Франсуазы, симметрия уместна разве что в номере отеля.

В окна столовой заглядывали разросшиеся старые кипарисы, создавая тень в жаркие дни. От темноты спасали изящные светильники на стенах и большая дорогая люстра, как в прихожей, из богемского стекла.

Чтобы не иссякали темы для светской беседы, Франсуаза повелела развесить на белых стенах картины французских художников. Каждый раз менялась одна из картин, и гости, зная это, принялись с любопытством оглядывать – какая из них новая. Максим уже был в курсе новинки, а потому без промедления помог бабушке сесть за стол и встал рядом со своим местом, ожидая Валери. Мимо проходили знакомые и

почти незнакомые люди, но все знали, что он художник, который будет выбирать натуры для себя на этот вечер, а потому старались улыбнуться потеплее и обратить будто невзначай внимание на себя. Максим всё это видел и чуть посмеивался в душе, но ему это нравилось, как и всё в этом доме, в его родном доме, где он вырос и был счастлив.

Гости расселись, и потекла непринуждённая беседа, подогретая аперитивом.

Вскоре двоюродный брат сел за пианино, стоявшее в углу, и предложил спеть поздравительную песню всем вместе. Гости с удовольствием подхватили:

Joyeux anniversaire
Acceptez de bon cœur
Nos vœux les plus sincères
De joie et de bonheur!²

Застолье продолжалось. Жерар попросил слова и наговорил бабушке комплиментов. Гости оказались в его власти: он шутил и сам хохотал над своими шутками, вовлекал в разговор и тех, кто его поддерживал, и тех, кто хотел помолчать. Жерар не допускал и мысли, что может кому-то быть неприятен. Его неуёмная энергия не знала границ.

Макс не слушал брата. Он немного перекусил и уже достал было блокнот, чтобы начать зарисовывать гостей, как

² С днём рожденияПримите это от всего сердцаНаши самые искренние пожеланияРадости и счастья!

разговор перешёл на такую тему, которая не могла оставить его равнодушным. Кто-то вдруг заговорил о любви. Оказывается, в это слово все вкладывали разный смысл. Самым умным и авторитетным, конечно же, себя считал его двоюродный братец. О, с каким невыносимо глубокомысленным видом он перечислял все виды любви!

– Послушайте, друзья, вы же не думаете, что в брак вступают из-за той любви, которую в своих комиксах описывает Макс, – уверенно заявил он, накладывая себе на тарелку устриц.

Макс почувствовал себя уязвлённым.

– Ты так говоришь, будто был уже не один раз женат.

– Не был, – невозмутимо парировал Жерар, – но поверь, если я женюсь, то уже раз и навсегда, а вот ты...

– А что я? – ледяным тоном спросил Макс, опуская карандаш.

– Ты слишком романтично настроен и можешь увидеть в девушке то, чего в ней отродясь не было.

Максим посмотрел на Валери и неприятно поразился, что она покраснела.

– Жерар, ты решил меня скомпрометировать перед Максом? – спросила Валери.

– Нет, что ты... Просто я хочу просветить братца, что любовь в этом мире бывает разной.

– И какой же? Нам всем интересно, – вступился за Макса Николя, – я, например, прожил счастливую жизнь и всегда

считал, что есть любовь, а есть что-то похожее на неё. Подделка всегда проявляется рано или поздно.

– Не скажите, Николая, – возразил деловито Жерар, – бывает, что брак по расчёту держится гораздо дольше, чем брак по страсти. А бывает брак из уважения, из благодарности и даже из страха.

– Но всё это, насколько я понимаю, не любовь, – не успокоился Макс, – эти качества являются частью любви. И, конечно же, их недостаточно для брака.

– Может, ты и прав, но согласишься, что главное, чтобы твоё понятие о любви совпадало с понятием твоей возлюбленной.

Максим понимал, что Жерар неспроста завёл этот разговор – между Максом и Валери намечалась помолвка. Но всего лишь два года назад, до того, как они только начали встречаться, Максусу казалось, что Валери остановила свой выбор на брате. Однако его подозрения не подтвердились, и теперь он был абсолютно уверен в чувстве своей возлюбленной. Непонятно, зачем Жерар снова ворошит старое? Его жаркие взгляды в адрес Валери вызывали у Макса ревность, и он почувствовал, как в груди рождается раздражение, которое может привести к ссоре.

– Мальчики, странную тему вы подняли у меня на дне рождения, – вмешалась Франсуаза, – я могу разрешить ваш спор, ведь со своим мужем я прожила больше сорока лет, и уж точно знала, что и он меня любит, и моя любовь к нему не иссякла до сих пор. Здесь я на стороне Макса – любовь

может быть только одного вида.

– Но как её распознать, чтобы не ошибиться? – спросила Валери.

Франсуаза задумалась.

– Я знаю как, – твёрдо сказал Николя. Он серьёзно посмотрел на сына и произнёс: – если ты готов пожертвовать хоть чем-то ради любви, значит, любовь настоящая.

– Жертвовать? – удивился Жерар, – я всегда считал, что любовь связана с чувством счастья и радости. Мне и в голову не приходило, что надо думать о жертве. И чем же нужно жертвовать?

– Деньгами, временем, силами и... даже жизнью.

– Ах, опять эти романтические идеалы, дорогой Николя. Вам не кажется, что современный мир гораздо сложнее и не укладывается в прописные истины? Стоит ли их повторять?

Николя усмехнулся, и Макс понял, что у отца как всегда наготове авторитетное мнение.

– Могу только призвать в единомышленники Джорджа Оруэлла, который как-то сказал, что "мы опустились так низко, что проговаривать очевидные вещи теперь – первая обязанность всякого умного человека".

– Bravo, отец, – порадовался Макс жирной точкой в разговоре. Единственное, что его смутно волновало – это странные взгляды, которыми обменялись Жерар и Валери.

Глава 2

– Почему Жерар вчера смотрел на тебя так странно, словно вы заговорщики? – приподнявшись на локте, без обиняков спросил Макс.

Валери нахмурилась и села в кровати. Её светлые локоны упали на красивые обнажённые плечи, и у Макса перехватило дыхание от природной грации любимой девушки. Он привязался к ней так сильно, что иногда его охватывала тревога – а сможет ли он существовать без неё, если, не дай Бог, она его бросит?

Вот и сейчас, пока он разглядывал её фигуру, то почти забыл, о чём спросил.

– Ты ревнуешь меня? – наконец, спросила она. Взгляд Валери стал чуть колючим. – Мы столько времени встречаемся, и я не замечала раньше за тобой этого качества.

– Мне не понравились ваши взгляды, – упрямо повторил Макс, сердце его забилося при воспоминании вчерашнего вечера. – Ты что-то от меня скрываешь?

Ревность жгла его душу, и оттого вид Валери, такой прекрасной и вдруг отдалившейся, стал для него пыткой.

– Ничего я не скрываю, не придумывай, – раздражённо бросила она и резко встала, берясь за его рубашку.

Макс почувствовал, что не прав, и схватил её за руку.

– Прости, прости! Давай поговорим о нашем будущем.

Валери обернулась.

– А у нас общее будущее? – лукаво улыбнулась она.

– Я думаю, общее, – решительно притягивая её к себе, ответил он, решая, что можно ещё немного задержаться в постели...

– Хочешь, я сбегаю за кофе и багетом? – предложил Макс через некоторое время.

Валери согласно кивнула и сладко потянулась. Он с готовностью вскочил и подошёл к окну, чтобы посмотреть, какая погода его ждёт во внешнем мире. Обещали дождь, но пока солнце играло в окнах дома.

Максу нравилось наблюдать за жизнью соседей, подглядывая в окна.

Слева поселился романтик-пианист, который в перерыве между положенными этюдами и гаммами вдруг принимался наигрывать мелодии из «Титаника» или «Амели». Напротив жил солидный господин, так же как и Макс, не лишённый любопытства, потому что каждое утро пил кофе на маленьком балкончике и притворялся, что читает газеты, а сам поглядывал по сторонам. А справа обитала старушка, которая, вероятно, являлась последовательницей Льва Толстого, потому что постоянно что-то писала у окна и при свете дня, и ночью, включая лампу с зелёным абажуром.

Макс подозревал, что все жители его дома уже давно знали друг друга в лицо, но никому не приходило в голову познакомиться, ограничиваясь только вежливым приветстви-

ем при встрече.

В третьем округе, где он снял квартиру, было мало туристов, да и вообще здесь жила только респектабельная публика, поэтому и цена за квартиру была астрономической. Но пока денег хватало, а комфорт и тишина для него были дороже всего.

Выйдя из дома, Макс направился в любимую булочную, где всегда вкусно пахло шоколадом и корицей. Хозяином был месье Брайон, розовощёкий толстячок, получивший за свою сдобу многочисленные призы и грамоты, которые красовались на небольшой полке при входе. Жил он со своей женой-ливанкой и тремя белобрысыми детьми в маленькой служебной квартире над булочной. Судя по окнам, квартира была совсем крошечной, и Макс поражался, как в ней могли уместиться упитанный месье Брайон и такие же кругленькие мальчишки, похожие на колобков, которых отец будто испёк в своей печи, слегка передержав для румяной корочки.

Когда дверь открылась, звякнул колокольчик и почти сразу в белом фартуке показался хозяин, приветливо улыбаясь Максу, как старому знакомому. Следом за Максом вошли ещё двое молодых людей, которые остановились у входа и начали оглядываться в булочной, видимо, привыкая к полумраку после яркого солнца улицы.

– Как всегда багет, месье Максим?

– На этот раз два, месье Брайон, – улыбнулся Макс и уловил какое-то странное шевеление возле своей руки. Он ско-

сил глаза и увидел блестящий нож, приставленный к его локтю.

– Давай кошелёк, – глухо проговорил один из арабов через чёрно-белый платок, натянутый почти под самые глаза.

Макс не испугался, но задумался, не желая уступать хулигану. Тот заметил его нежелание расставаться с деньгами и решил поторопить, чуть полоснув по обнажённой коже руки. Почувствовав укол, Макс как очнулся и, живо оглянувшись, увидел стоящую неподалёку швабру. Отпрыгнув от араба, он схватил её и со всей силы огрел грабителя по руке. Тот опешил и от неожиданности выронил нож. Второй тут же подскочил к приятелю на помощь, но был встречен таким же ударом шваброй, что и первый.

С каким-то весёлым азартом Макс начал фехтовать не самым подходящим оружием, но щётка швабры сослужила хорошую службу – жёсткий ворс неприятно царапал и лицо, и руки грабителей. Они не могли ни подойти ближе, ни применить свои ножи по назначению.

Месье Брайон наконец пришёл в себя и, схватив телефон, начал громко кричать в трубку, вызывая полицию. Когда до парней дошло, что с минуту на минуту придут полицейские, они попятились к двери и быстро выскочили на улицу, смахнув от злости по пути с полки возле входа кубки и грамоты булочника.

Макс остановился и отдышался.

– О, месье мушкетёр! Как вы ловко фехтовали! Bravo,

браво! – булочник бегал вокруг Макса и заодно подбирал с пола свои кубки.

Внезапно он остановился и уставился на руку Максима.

– Вы ранены, месье! Позвольте я окажу вам помощь.

Макс хотел возразить – в булочную уже пришли другие покупатели, удивлённо разглядывая небольшой погром, но Брайон даже не посмотрел на них и убежал за аптечкой.

Из булочной Макс вышел с пластырем на руке и двумя бесплатными багетами. Он хотел честно заплатить, но месье Брайон замахал руками:

– Это я вам должен заплатить за то, что теперь эти молодчики не сунутся сюда, боясь встретиться с вами. На полицию нет никакой надежды, вы же знаете, хулиганов никто ловить не будет.

Макс это знал, и его это изрядно раздражало. Если бы грабителями были французы, то просмотрели бы все камеры во-круг и вычислили преступников, однако арабам в их городе был закон не писан. Как можно разрешать бандитам спокойно грабить честных граждан, делая им снисхождение только потому, что они арабы? Не это ли и есть расизм, только теперь повёрнутый против коренных французов?

– Что?.. Ты дрался шваброй? – не поделила его радости от победы Валери. – Зачем? А если бы они тебя пырнули ножом в живот? Стоит ли твоя жизнь тех нескольких евро, которые были у тебя в кошельке?

– Как ты можешь так говорить? – удивился Макс такой

реакции, — я что, по-твоему, слизняк, который не может постоять за себя? Как ты будешь жить с таким мужчиной, который не защитит ни себя, ни свою женщину?

— Я хочу жить с разумным мужчиной, который не пускается в авантюры, — проворчала Валери, осматривая его царапину.

— Милая, странно, что мы с тобой столько времени общаемся, а ты вдруг требуешь от меня невозможного, — улыбнулся Макс, — я не смогу стать разумным, как мой братец.

Валери ничего не ответила, и её молчание встревожило душу Максима.

— Пойдём погуляем, — предложил он, чтобы сменить тему, — а лучше в Помпиду.

— Чего ты там хочешь смотреть? Ещё не все картины выучил наизусть?

— Пойдём, я покажу тебе своего любимого художника.

— Я попробую угадать, кто это, — усмехнулась Валери.

— Договорились, — обрадовался Макс.

Через несколько минут они уже были на улице Бобур, где высилось современное здание, с выставленными наружу коммуникационными трубами, которые были разукрашены в разные цвета. Макс иногда задумывался, зачем надо было так противопоставлять Лувру и другим историческим зданиям классического Парижа музей современного искусства? Но его тянуло сюда из-за картин, которые он обожал — на третьем и четвёртом этаже были собраны подлинные сокро-

вища Пикассо, Модильяни, Матисса и Шагала.

Валери серьёзно разглядывала знакомые картины и наконец подвела Максима к одной из них.

– Этот твой любимый художник?

– Как ты догадалась? – поразился Макс, глядя на Шагала.

– Она напомнила мне о нас: "Обручённые и Эйфелева башня!" Романтичность Шагала напоминает мне тебя, хоть он и еврей, а не русский, как ты.

– Я тоже не русский, а француз.

– Иногда мне кажется, что ты всё-таки больше русский – уж больно много в тебе романтики. Французы больше любят землю, а, судя по русской литературе, русских постоянно волнуют какие-то отвлечённые идеи.

– Что же в этом плохого? – пожал плечами Макс.

– Ничего, – Валери погладила его по руке, – но, честно говоря, мне не нравится эта картина.

– Почему? – Макс удивлённо посмотрел на неё.

– Оба выглядят как дети, – задумчиво разглядывала картину Валери, – слишком наивно, на мой взгляд, или глупо.

Макс молчал, впервые встретившись с такой оценкой.

– Но это моё мнение и не больше, – засмеялась Валери, – пойдём на крышу, оттуда мы сможем представить, что, так же как Шагал с Беллой, летим к Эйфелевой башне.

Они поднялись на смотровую площадку и оттуда наблюдали за циркачами внизу, которые показывали акробатические трюки на радость туристам.

Но Макса больше привлекало близкое небо, под которым расстился Париж. Он думал о том, как же был счастлив художник, рисуя себя со своей ненаглядной женой, летящими по небу. Почувствует ли он когда-нибудь такое же счастье, как Шагал? Да и Париж сейчас совсем не тот, что был в начале прошлого века...

– О чём ты задумался? О сегодняшнем происшествии?

– Да, я думаю, как быстро всё меняется – не успеешь оглянуться, а уже тот Париж, который показывали в фильмах всего лишь десять лет назад и который я помню из детства, безнадежно ушёл в прошлое. Так, глядишь, и жизнь пройдёт...

– Фу-у-у, – надулась Валери, – какой ты всё-таки меланхолик. Ты наводишь на меня тоску, я уже жалею, что пошла с тобой гулять.

– Прости, прости, что-то я, действительно, зафилософствовался.

– Чего тебе не хватает в жизни? Ты из благородной семьи, обеспечен, рядом с тобой красивая девушка, – кокетливо улыбнулась она, – зачем грустить?

– Не обращай внимания, наверное, просто я не хочу расставаться с тобой. Жду-не дождусь, когда мы будем жить вместе.

– Это меняет дело, тогда можешь погрустить ещё...

Туристов на смотровой площадке становилось всё больше. Рядом встал профессиональный целовальщик со своей напарницей. Они притворялись влюблёнными, но Макс без-

ошибочно определял игру на публику. Он знал, что студенты подрабатывают таким забавным способом по поручению мэрии то на смотровой площадке, как эта, то около Эйфелевой башни, то у Лувра, чтобы поддержать у Парижа репутацию города влюблённых. Когда-то Максим разговаривал с одним из таких пареньков, и тот сокрушённо поведал, что к концу дня его губы становятся каменными. Но платят неплохо – пятнадцать евро в час для студента отличный заработок.

Валери обняла Макса за шею и прижалась губами к его губам. Он с удовольствием ответил на поцелуй, чувствуя под руками её гибкое, стройное тело. Однако ему не хотелось соревноваться, кто романтичней поцелуется.

– Смотри, что творится с погодой, – прошептал Макс на ухо Валери, – надо бежать вниз.

Ветер усилился и как сумасшедший порывисто набрасывался на людей. Приближалась первая весенняя гроза. С севера сначала набежали белые барашковые облака, следом пошли тучки одна другой темнее, пока, наконец, не показалась мрачная тёмно-синяя туча, не оставляющая сомнений в своём намерении излить на запылённый город долгожданный дождь.

Они выбежали на улицу в поисках подходящего кафе, где можно было переждать грозу. Небо уже было свинцового цвета, где-то совсем близко прогремел гром. Группы туристов, одиночки и такие же, как они – парочки бежали, взявшись за руки в поисках укрытия. Дождь полил сразу, без

разгона, крупными хлёсткими каплями, мгновенно намочив рубашку Макс и лёгкое платье Валери. Ворвавшись в кафе, они ещё постояли у порога, чтобы стряхнуть, насколько это было возможно, влагу с волос и одежды. Платье облепило стройную фигуру Валери, и Макс залюбовался ею.

Они сели у окна и стали смотреть на дождь, радуясь собственной защищённости от непогоды.

Сквозь мутные от дождя окна виднелся город, словно нарисованный акварелью и уверенно смываемый чьей-то большой кистью. Макс снова посмотрел на небо и подумал, что тучи несутся к Сене, будут волновать её серые воды, и хорошо, если такой дождь не вызовет наводнения. Париж обезлюдел и выглядел одиноким, казалось, что люди бросили его в трудную минуту. Но пожалеть город было некому. Те, кто успели спрятаться под крышу, радовались, что не промокли, а те, кто бежал под зонтиком, думали только о том, как бы удержать его при таком порывистом ветре.

– Мы с тобой так редко гуляем, – улыбнулся Макс, – твой отец-банкир совсем тебя замучил работой.

– Ты же знаешь, отец тут ни при чём, я самостоятельная женщина, мне нужно зарабатывать, а не зависеть от отца. Не все же у нас свободные художники, как ты, – чуть насмешливо закончила она.

– Звание художника во Франции слишком обязывает, особенно рядом с Монмартром, я не претендую на него.

– Ну не скромничай, Бернард всегда хвалит твои комиксы.

К этому тоже надо иметь талант, чтобы их расхватывали как горячие багеты.

– Здесь проявляется талант Бернарда, который умеет их рекламировать. А вообще-то я хотел бы стать настоящим художником, только для этого надо иметь идею.

– Какую идею?

– Полюбить что-нибудь так сильно, чтобы желать посвящать этому всю жизнь. Например, Дега полюбил танцы, Клод Моне – Руанский собор, а Модильяни – женщин. Или нужно быть таким смелым, как Пикассо.

– В чём же заключалась его смелость?

– В поисках стиля, он не боялся экспериментировать.

– Но я смотрю, тебе больше всех нравится Шагал?

– Нет, мне все нравятся, но в наивности и искренности Шагала столько радости и любви, что просто поразительно. После стольких несчастий, какие выпали на его долю, он остался восторженным как ребёнок. Каждый раз, когда я прихожу в оперу, удивляюсь, как это тогдашнему министру Мальро пришлось в голову поручить расписать классическое здание авангардному художнику. Но в этом, видимо, и величие французской культуры, что здесь возможно всё самое неожиданное и прогрессивное.

– Думаю, Мальро купился на предложение Шагала увековечить его на плафоне вместе с балеринами, Жар-птицей и лебедями, – рассмеялась Валери.

– Да, быть увековеченным Шагалом – это дорогого стоит.

Мальро счастливчик, – с удовольствием делая глоток ароматного кофе, заметил Макс.

– А я всё же думала, что ты больше любишь французских импрессионистов, – чуть насмешливо заметила она.

Макс задумался.

– Если выбирать между русской или французской культурами, то я выбрал бы вторую.

– Но разве ты не чувствуешь в себе ничего от русского отца?

– Он тоже француз во втором поколении. Только и разница между ним и французами по крови, что он знает русский язык и любит русскую литературу, как, впрочем, и я то же. Зато Франсуаза мне все уши прожужжала, что во всех своих покупках я должен предпочитать французское.

– Я согласна с Франсуазой, – помолчав, заметила Валери, – когда я была маленькой, (ты знаешь, я выросла в Кольмаре), то мечтала приехать в Париж и стать настоящей парижанкой.

– А что это значит?

– О-о, слишком много, чтобы рассказать в двух словах, – протянула она с улыбкой.

– Надеюсь, когда-нибудь у нас будет больше времени, чтобы ты мне раскрыла свои секреты, – Макс нежно взял её за руку.

– Зачем? Если ты будешь знать меня так хорошо, можешь потерять интерес, – засмеялась Валери, шутливо отдёргнув

руку.

– Да, отец тоже плохо понимал маму. Всё не мог угодить с подарками. Уж как она противилась отцу, когда он ей предлагал приобрести что-нибудь кроме однотипных костюмов, которых у неё великое множество. Нет, только так одеваются благородные француженки – качественно и неброско. Отец уже и спорить перестал.

– Мы с тобой встречаемся уже сколько времени, а ты мне никогда и не рассказывал об отце. Что он за человек?

– Обыкновенный, – пожал плечами Максим, – может, отличается от других замкнутостью и какой-то разочарованностью что ли.

– А в чём он разочарован?

– Ты знаешь, мне кажется, он всю жизнь мечтал вернуться в Россию.

– Почему «вернуться»? Разве он там жил?

– Нет, не жил, но так говорят все эмигранты, подразумевая, что русские не могут жить без России. Он мне рассказывал, что в молодости, ещё в восьмидесятые годы, съездил в Советский Союз и был страшно разочарован.

– Чем же?

– Тем, что не увидел там тех людей, с которыми хотел бы провести остаток жизни. То ли коммунистическая пропаганда его напугала, то ли бедность, не знаю.

– А ты хотел бы съездить в Россию?

– Наверное, да, но вряд ли захочу там остаться, хотя, как

говорят, нынешняя Россия – это не Советский Союз, да и коммунизма уже давно нет.

Макс задумался об отце. Они о чём-то не договорили на дне рождения Франсуазы.

– Ты с такой теплотой говоришь о своём отце, я даже завидую, – протянула Валери с тонкой улыбкой. Волосы её уже высохли и красиво вились вокруг лица. Табачные глаза отличали зеленоватым оттенком. Когда она так пристально смотрела, то напоминала кошку, очень красивую, с мягкими лапками, но всё же гуляющую сама по себе.

– Иногда мне кажется, что он мой единственный друг, и ближе него никого не будет.

– Даже ближе, чем я? – кокетливо спросила она, удивлённо приподняв аккуратные ухоженные брови.

– Ты как с другой планеты, – засмеялся Макс, – знаешь избитое выражение: женщины с Венеры, а мужчины с Марса. Как бы несовременно это ни звучало, я всё больше убеждаюсь в его правдивости. Чтобы понять женщину, приходится делать невероятное усилие.

– Только не говори это больше никому, а то тебя побьют камнями.

– Не волнуйся, я знаю, что откровенным могу быть только с отцом. Он иногда посмотрит в глаза и поймёт всё без лишних слов. Жаль, что я не обладаю такой проницательностью – он что-то хотел мне сообщить, да почему-то не договорил...

– Расскажет обязательно, раз вы с ним такие друзья. Ты

сейчас куда? – спросила Валери, расплачиваясь с гарсоном.

– Поеду к бабушке, что-то она неважно выглядела в последний раз.

– Тогда до встречи, Макс, – легко поцеловала его Валери на улице, – позвони вечером...

Здания города блестели так, словно ливень их не просто отмыл от пыли, а ещё и отполировал. Тучи ушли, и прояснилось, будто день только начался. На дороге образовались большие лужи, и Макс приходилось часто притормаживать, чтобы не окатить дождевой водой пешеходов.

Возле особняка бабушки Франсуазы стояла большая грузовая машина, откуда рабочие выгружали картонные коробки разных размеров.

– Кто-то переезжает? – заходя в дом и обнимая мать, спросил Макс.

– Да, – после секундного замешательства ответила она. – Я окончательно переезжаю сюда.

– А как же отец? – поразился Макс, отпрянув от неё, – он тебя отпустил?

– Это было наше общее решение, – негромко ответила Алис, отводя глаза.

– Я не понял – вы разводитесь?

– Не знаю, может быть...

– Николя! – вдруг закричала появившаяся из своей комнаты Франсуаза, глядя на Макса, – зачем ты приехал? Я же просила тебя подумать не только о себе!

– Бабушка, – ошеломлённо ответил Максим, – ты что – меня не узнала?

– Ой, – Франсуаза покачнулась и схватилась за голову, – конечно, узнала, просто у меня что-то в последнее время происходит с памятью...

– А о чём ты просила моего отца?

– Ни о чём... Алис, проводи сына в столовую, попейте чаю, мне что-то нехорошо, да и голова болит.

– Не удивляйся, бабушка стареет и иногда теперь путает людей, – прошептала мать на ухо Максу.

– Мама, вы разводитесь? – настойчиво спросил он, замечая, как она прячет глаза и чуть дрожащими руками пытается налить ему чай.

– Я не могу тебе сейчас всего рассказать. Да, мы разводимся, но поверь, что делаем это для твоего блага.

– Ничего не понимаю, каким благом вы называете расставание после стольких лет брака? Отец тебе изменил?

– Нет, – горько усмехнулась мать, – и я тоже ему не изменяла. Потерпи немного, позже ты всё узнаешь. А сейчас давай пить чай...

Чаепитие вышло грустным. Франсуаза так больше и не вышла из своей комнаты, вскоре к ней пришёл семейный доктор Лебрэн, и разговор прервался. Макс понял, что от матери сейчас он не добьётся объяснений, и с тревогой в душе уехал домой.

Глава 3

Валери не собиралась объяснять ни Максу, ни кому-либо другому, что для неё значило стать истинной парижанкой. И хотя ей уже было почти двадцать пять, и уже целых пять лет жила в Париже вместе с отцом, иногда ей казалось, что она только начала понимать по-настоящему, что это значит для неё самой.

Городок Кольмар, из которого родом были и её отец Карл Дюран, и её мать Элен, по красоте напоминал музей под открытым небом. В старом городе совместились все возможные архитектурные стили: и барокко, и классицизм, и ампи́р. Но, живя на прекрасных улочках с небольшими каналами и мостиками, утопающими в цветах герани, Валери-Мари принимала это как само собой разумеющееся, а вот далёкий Париж манил её как сказка, как мечта. И, как ни странно, развод родителей – несчастье для детей и хлопоты для взрослых, стал первым шагом к её осуществлению. Отец уехал делать бизнес в столицу, а мать осталась, надеясь, что единственная дочь будет жить с ней. Однако как только Валери закончила школу, ничто не могло удержать её в городке, который мог быть интересен только виноделам да туристам из соседней Германии.

Валери манил и притягивал Париж. Отец не особо обрадовался её появлению, но квартира, которую он купил в Сюре-

не, была большой, и места хватало и ему, и любовнице Брижит, и Валери. Единственно, что беспокоило Дюрана – это поладят ли дочка с молодой мачехой? Карл зря волновался. Мачеха стала для юной Валери и подругой, и наставницей. Брижит работала манекенщицей в модном доме Диор и редко бывала дома. И, когда она находила время для падчерицы, та была счастлива.

– Мари, – так кратко звала её длинноногая Брижит, закуривая на кухне крепкую сигарету, – тебе хорошо бы тоже закончить школу для манекенщиц. Хотя ростом ты не вышла, но хорошая походка, осанка и уверенность в себе никому не помешают. Поверь мне, истинная парижанка не должна испытывать неловкость ни при каких обстоятельствах, а уж тем более не выглядеть мешком с картошкой.

– Я выгляжу как мешок с картошкой? – испуганно спрашивала двадцатилетняя падчерица, глядя во все глаза на элегантную мачеху.

– Ещё нет, но стоит тебе поправиться на пару килограмм, и будет не отличить, – усмехалась она.

– А что значит стать истинной парижанкой? – с замиранием сердца спрашивала юная Валери, готовясь чуть ли не записывать ответ Брижит.

– Хочешь знать? Ну слушай...

Брижит могла бы работать лектором, так гладко она рассказывала.

– Осознай свои достоинства и недостатки, мадемуазель.

Первые подчёркивай, а со вторыми работай, но только втайне от всех. Делай вид, что не прикладываешь никаких усилий, всё должно выглядеть естественным – хорошая кожа, аккуратные ногти, блестящие волосы. Ты для себя – главная героиня. И никогда не успокаивайся на достигнутом. Помни, что сначала мы становимся красивыми, чтобы нас любили, а потом пользуемся любовью, чтобы оставаться красивыми.

– Тебе, наверное, часто говорят, что ты красавица и настоящая парижанка, – с восхищением прошептала Валери.

Брижит довольно усмехнулась.

– Как-то раз я спросила твоего отца: какое бы он дал определение француженке? Он удивился и думал до ночи. А уже в постели мне выдал: "Думаю, что ей всего всегда мало: и впечатлений, и страсти, и комплиментов. Вот я говорю, что ты самая красивая в мире, а ты требуешь доказательств ещё и ещё..."

Она наклонилась и посмотрела на обувь Валери.

– Не покупай туфли на среднем каблуке – жизнь слишком короткая, чтобы идти на компромиссы.

Не носи вещи с фирменным знаком – ты не рекламный щит.

Никогда не одевай спортивный костюм, если ты не на тренировке.

Не терпи банального и скучного кавалера. Быстро расставайся с ним и блокируй его номер телефона.

Не объясняй причины отмены свидания. Просто извинись

и повесь трубку. Парижанка опаздывает, потому что у неё много важных дел и встреч, в отличие от кавалера, который может потерять своё время и ждать целый час...

Советы Брижит показались бы странными, если бы Валери не видела, с каким обожанием смотрит на новую жену отец. Вот он наблюдает за ней так, будто пытается разгадать её сложную натуру. А Брижит всего лишь ищет телефон в своей большой сумке и при этом будто сама теряется в этой сумке. В ресторане она нервно водит пальчиком по меню, словно выбирает по географической карте сложный маршрут будущего путешествия. При этом умудряется улыбаться, отшучиваться, а в конце концов заказывает то, чего даже не было в меню, и отец, многозначительно улыбаясь, просит приготовить для его дамы это блюдо за отдельную плату.

Как ей удавалось быть такой интересной для отца, которого Валери никогда не считала романтиком? Это была загадка. Но разгадать её – значило стать такой же или почти такой же, как Брижит. Может быть, отгадка крылась в чуть заметной холодности, с которой мачеха принимала поклонение и обожание? Её часто не было дома – постоянные перелёты по миру выматывали, и домой она приезжала потухшей, выжатой эмоционально. Но никогда не раздражалась и не жаловалась, а со слабой улыбкой грустной королевы принимала ухаживания Дюрана.

– Ты не изменяешь отцу? – как-то решилась спросить Валери.

Нервный смешок был ей ответом.

– Не думаешь ли ты, что я признаюсь в этом? – с усмешкой спросила Брижит. – Хотя... если ты когда-нибудь окажешься в такой ситуации, помни несколько правил: всегда всё отрицай. А ещё... не чувствуй себя виноватой. Ты делаешь это не против него, а для себя, для своей души, которая нуждается в новых впечатлениях. А то, что полезно для тебя, не повредит никому... Просто не нужно выбирать любовника из числа общих знакомых. И ещё – никогда не говори ничего плохого про своего мужа. Иначе твоему любовнику не захочется спать с подружкой посредственности. А как бывает здорово обманывать любовника со своим мужем, – лукаво улыбнулась она, потягивая тёмное вино из хрустального пущатого бокала. – Но, знаешь, главный совет в любви – береги себя от болезней и... от любви. Любовь – тоже болезнь, – прошептала она, наклоняясь почти к самому уху Валери.

– А как же романтика? Разве не надо искать того единственного, с которым проживёшь всю жизнь?

– Детка, люби любовь больше всего на свете. Будь верна, но не одному и тому же мужчине, а только ей – любви.

В советах Брижит был призыв и к поиску романтических отношений, и, одновременно с этим, к холодному расчёту делать то, что выгодно и интересно самой Валери. Именно поэтому советы мачехи так запали в душу ещё молодой девушки, потому что отвечали её внутреннему пониманию жизни. Брижит ясно сказала то, что подсознательно чувствовала она

сама.

Романтические прогулки по Парижу? Конечно, но обязательно делить удовольствие с кем-либо, даже с Максом. В этом был особый шик. В театре Пале-Рояль дают новую постановку? Валери сходила одна и удивила Макса кратким отзывом: "О! Это было неподражаемо, сходи обязательно!" Её неординарные поступки придавали их отношениям неопределённости, и она видела, что это заставляет Макса нервничать и дорожить каждой встречей, каждой прогулкой. Что ж, она всё делает правильно. Кому нужна предсказуемая подруга? Тем более что Макс и сам был, порой, таким романтическим и загадочным, что она никак не могла его понять.

После рабочего дня в банке она чаще всего брала такси и ехала в маленькую квартирку на Монмартре, на которую ей удалось взять кредит. Но сегодня был прекрасный летний вечер, и Валери решила прогуляться пешком, уговорив приятельницу Жозефину пройтись вместе с ней.

– Счастливая ты, – вздохнула Жозефина, – отец владелец банка, так можно не думать о карьере. А мои родители в Лионе, им до меня и дела нет.

– Нет, Жози, – мечтательно ответила Валери, – я чувствую, эта работа не для меня.

– А что же для тебя?

– Я скоро открою арт-галерею, – радостно сообщила она ошеломлённой подруге. – Во-о-он там, видишь дом? Я уже договорилась об аренде.

– А отец не против?

– Ему всё равно, – махнула рукой Валери, – но он обещал помочь.

Подруга восхищённо поохала и завернула к дому, а Валери зашла в бар. Она выбрала недорогое пиво с тарелками сыра и колбасами. Народу было много, бар славился настольными играми. Здесь читали газеты, играли в карты, шашки и лото. Впервые сюда Валери привела тоже Брижит.

– Мне здесь нравится иногда поужинать. Туристов почти не бывает, и атмосфера словно в старом Париже, который я помню из детства. Теперь этот город почти исчез, но... ему на смену пришёл другой, и нам надо приспособиться, – оптимистично добавляла она, дружелюбно улыбаясь знакомому официанту.

Теперь Валери ходила сюда одна. Одинокие прогулки позволяли подумать о себе и о своей личной жизни, в которой она никак не могла разобраться. Казалось, что всё просто – она подруга Макса, и скоро, похоже, он сделает ей предложение. Но хочет ли она сейчас выходить замуж? Да и точно ли Макс тот парень, с которым она мечтает прожить всю жизнь? Человек он хороший, добрый, но... этого недостаточно. Всё в нём было недостаточно. С одной стороны, недостаточно денег, а с другой – страсти. Да, он был нежным, умным, преданным, но Валери хотелось каких-то ярких эмоций, приключений, а с ним заранее всё было предрешиено. Погуляют пару лет по ресторанам, потом дети и рутинная

семейная жизнь: никаких путешествий, потому что мало денег, никаких планов, потому что он не амбициозен, и, самое главное, Валери боялась, что его спокойный нрав вскорости просто ей надоест.

Есть ещё Жерар. Он показался ей сначала слишком деловым и даже скучным. Но теперь она всё больше стала приглядываться к нему и поняла, что ошиблась. Жерар был весьма деятельным молодым человеком, но это хорошо, финансовая обеспеченность – большой плюс, а в последнюю встречу у Франсуазы Валери увидела, как он смотрел на неё... От его взгляда мурашки побежали по спине. Почему он так смотрел?

Валери пила пиво. От напитка голова чуть-чуть закружилась, и в голову забралась дерзкая мысль, что Жерар в неё влюблён...

А что если это правда? Стоит ли ради него бросать Макса? Она задумалась.

Телефон в её сумочки зазвенел, Макс звонил каждый вечер, словно проверял её, а может, просто скучал. Домой идти не хотелось.

– Макс, хорошо, что ты позвонил, встретимся?

Максим радостно пообещал подъехать. Через пятнадцать минут он прибежал в брассери. Они выпили вместе пива и пошли гулять, привлекаемые звуками громкой музыки.

Во Франции наступил долгожданный красочный музыкальный фестиваль. С одной стороны звучал джаз, блюз, че-

рез дорогу их перебивал металл, а за углом – фолк под сопровождение барабанов. Толпы подвыпивших веселящихся людей перемещались от бара к кафе, от парка в метро, выбирая музыку по вкусу. Музыканты из разных стран, кто-то причудливо, кто-то просто одетые, всех цветов кожи, показывали своё мастерство.

У Эйфелевой башни выступал традиционный духовой оркестр, а по набережной Сены шёл отряд гаврошей с революционными песнями.

Но самое захватывающее зрелище происходило на набережной Сен-Бернар. Валери притягивали латинская сальса и кубинская румба, соседствующие на площадках в десяти шагах друг от друга. Зажигательная музыка привлекала всё больше и больше зрителей, которые, немного постояв и похлопав, присоединялись к танцующим.

Она во все глаза смотрела на танцоров, не решаясь встать в круг. Макс улыбался и хлопал вместе со всеми, однако танцевать не предложил. А ей хотелось... ноги уже не стояли спокойно. Вдруг перед ней появился какой-то симпатичный латинос и протянул руку. Она заколебалась, но всё-таки подала ему свою, оглядываясь на Макса. Что было в его глазах – Валери разглядеть не успела, потому что её подхватил мощный поток чужой энергии и завертел, закружил так быстро, что перехватило дыхание. Парень был достаточно сильным – ей почти ничего не приходилось делать – он вертел её в разные стороны, глядя ей в глаза и сверкая крупными белы-

ми зубами.

За первым танцем пошёл второй, потом третий... Макс помахал ей рукой, призывая к себе, но Валери поняла, что не хочет останавливаться. Она помотала отрицательно головой и увидела, как он с недовольным лицом сел за столик в кафе напротив, но ей было так хорошо и весело, что настроение друга её не волновало.

Наконец, музыка прервалась, музыканты стали собирать инструменты, а все, кто слушал и танцевал, благодарно захлопали. Аплодировали и Валери, и парень, с которым она танцевала. Он снова взял её за руку и уже наклонился к её уху, чтобы что-то прошептать, как Валери почувствовала, что более сильная и уверенная рука тащит её к себе. Рядом стоял Макс с хмурым выражением лица.

– Мы идём домой? Или ты уже не со мной?

– С тобой, – засмеялась ещё чуть запыхавшаяся от танца Валери, – спасибо, друг, – обратилась она к партнёру, и тот, разочарованно кивнув, отошёл от них. – Ты что, ревнуешь меня?

– А разве нет повода? – недовольно спросил Макс.

– Макс, не будь занудой. Я с таким удовольствием потанцевала, – ответила она, – а ты со своей ревностью нагоняешь на меня скуку.

Выражение глаз Макса изменилось – из недовольного превратилось в грустное. Но и грустить ей не хотелось. В её душе вдруг появилось ясное осознание того, какой должна быть её

жизнь, чтобы ощущать себя счастливой. Сможет ли Макс её понять? Она не знала...

Глава 4

Макс проснулся рано и посмотрел в окно – небо затянули тучи, ожидался долгий и противный дождь. Вчера был бы прекрасный вечер, если бы не эти дурацкие танцы Валери. Нет, всё-таки он чего-то не понимает в женской натуре, до этого она никогда не говорила, что любит танцевать. А тут ещё этот латинос, что б ему пусто было!

В душе опять, словно змея, шевельнулась ревность. Он стал вспоминать её счастливое лицо во время танца и с холодной ясностью понимал, что никогда не видел свою девушку такой восторженной. От отчаяния его настроение перешло в депрессию и отвращение к самому себе. Почему он не может также наслаждаться жизнью? Он попытался представить, что делает его таким же счастливым и понял, что это скорее всего будет либо хорошая музыка, либо рисование. И ещё моменты близости с Валери... Ему нравилось говорить с ней обо всём на свете, находить общие книги, восхищаться фильмами и музыкой, строить планы. А потом целоваться до безумия. Правда, в последнее время встречаться они стали всё реже. У Валери было много планов, и времени на общение почти не оставалось, но это же не значит, что они разлюбили друг друга? Сердце заныло от такой неприятной мысли.

Настроение было как на кладбище...

"А меня же отец сегодня как раз на кладбище и будет ждать", – осенило его. Пятнадцатого июня – годовщина смерти деда Константина. Макс вскочил с кровати, быстро собрался и поехал в Сент-Женевьев-де-Буа.

Русское кладбище находилось в нескольких километрах к югу от Парижа. Ещё в 1927 году княгиней Верой Кирилловной Мещерской часть кладбища была зарезервирована для захоронения русских эмигрантов. Когда Макс проходил по улицам города мёртвых мимо медленно разрушающихся склепов, покосившихся памятников со старыми надписями с дореволюционной орфографией, его охватывало странное чувство, будто Россия только такая и осталась – мёртвая, под большими и маленькими православными крестами и берёзами вокруг могил. А то, что сейчас называется этим именем – ненастоящая Россия, иная, не имевшая права носить это святое название. Ведь здесь были похоронены лучшие сыны и дочери былой империи: военные и казаки Белой Армии, писатели Булгаков и Бунин, а из Советской России выехали Тарковский и Нуреев, найдя здесь, во Франции, последнее упокоение.

"Кто же там-то остался?" – думал он, направляясь в церковь Успения, надеясь встретить там отца.

Храм был построен в стиле Новгородской церкви пятнадцатого века, а расписывал его Альберт Бенуа, здесь же и похороненный со своей женой. Внутри церкви было малоллюдно, и Макс сразу увидел отца, стоявшего справа у иконостаса.

са. Он любил там стоять и читать мемориальную табличку с именами генералов, офицеров и казаков, замученных британцами в Лиенце. Русские фамилии казались такими родными и знакомыми, будто все, кого убили англичане, были родственниками дворянам Елагиным. Но это было не так. И дед Константин ни с кем из них не был знаком. Незадолго до войны он закончил Сорбонну и, работая в оккупированном Париже, тайком записался в Сопротивление и передавал экономические сведения французскому правительству, находящемуся в Лондоне. Как могли немцы так долго терпеть француза с русской фамилией? Это осталось загадкой. Но когда его всё-таки арестовали – в войне уже случился перелом, и расстрелять деда не успели.

Служба заканчивалась. На солею вышел старенький священник и начал негромко говорить проповедь. Макс не прислушивался поначалу, но какие-то слова иерея заставили его вздрогнуть и подойти поближе.

– ...Вы знаете, что на этом кладбище похоронен Борис Константинович Зайцев. Недавно я перечитывал его записки о жизни во Франции и поразился, насколько глубокой была его оценка жизни русской эмиграции. Вот послушайте... – голос батюшки окреп. Он достал из кармана небольшой листочек и зачитал: – *"Политические формы России рухнули легко: видимо, себя пережили. Дух России оказался вечно жив. В бедах крушениях он сильнее расцвёл. Насколько есть в нём дуновение Духа Святого, настолько и жизнь."*

Вы слышите, братья и сестры? Насколько в нас живёт Дух Святой, настолько мы и живы. А не будет Духа, будем как гробы – внешне красивыми, а внутри... сами знаете что. Если есть в нас истинная жизнь, то всё остальное Господь подаст, а не будет Духа – тогда будет по слову другого великого человека: *"И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь, и горько слёзы лью..."* Вопль Пушкина по Истине да будет в наших сердцах. А мы чувствуем тоску, неудовлетворённость от собственной боязливости, но молчим и ничего не предпринимаем. Чего мы боимся? Может, потерять что-то материальное? Но разве не страшнее потерять себя? Мы должны сопротивляться миру сему, поклоняться Правде, иначе наша соль снова потеряет силу, и Господь, уже однажды низвергший наших предков вон из России, исторгнет и отсюда.

Тяжелое молчание было ему ответом. На кладбище никогда не было особенно радостно, а тут ещё батюшка Валентин тоску навёл. Права Валери – как это по-русски – всё усложнять...

Макс подошёл к отцу и взял его под руку. Тот вздрогнул и повернулся. Как он постарел в последнее время! Осунувшееся лицо избороздили морщины, которых раньше Макс и не замечал. Под глазами мешки. А ведь отец ещё не старый, на пенсию только на следующий год собирался выйти.

– Папа, ты хорошо себя чувствуешь? – прошептал Максим, выходя с ним из душевного храма.

Тот задумчиво кивнул.

– Спасибо, что приехал. К деду пойдём? Надо поправить могилу, да и к твоему прадеду с прабабкой заглянем. Они там недалеко.

– Я помню, отец, – ответил Макс.

На старых могилах под православными каменными крестами были установлены дощечки "Елагин Николай Константинович 1885–1961 гг. Елагина Софья Алексеевна 1891–1960 гг." Прадед так любил свою жену, что прожил без неё меньше года. Макс, конечно, их не застал, а вот деда Константина помнил хорошо. Тот был сухощавым высоким стариком. Немного резким, но умевшим сдерживать эмоции, чтобы никого не обижать. Он брал маленького Макса в эту церковь причащаться, не принуждая выстаивать длинные службы. Но Максусамому нравилось стоять на литургии – уж больно красиво пел мужской хор, да и росписи храма он разглядывал с удовольствием, а потом дома пытался повторить рисунки Бенуа. Дед заметил его склонность к рисованию и настоял, чтобы Максима отдали в художественную школу. Теперь Макс добрым словом поминал дедушку...

Они с отцом очистили могилы от сорняков и старой листвы, покрасили оградку и пошли к выходу. Николя ступал тяжело, будто придавленный мыслями.

– Почему такую неприятную проповедь говорил сегодня отец Валентин? – вдруг вспомнил Макс, надеясь отвлечь отца от грустных мыслей.

– Неприятную? – задумчиво повторил Николя, – знаешь пословицу – хочешь узнать правду – приготовься услышать неприятное.

– Какую правду? – не понял Макс.

– Такую... мы всего боимся, сын, и я в том числе. Боюсь жить по совести, боюсь сказать правду, и даже Бога...

– Что Бога? – не понял Максим, заводя машину, – Бога боишься? Так Его, вроде, и положено бояться, разве нет?

– Положено... Но я боюсь приблизиться к Нему. А вдруг Он от меня потребует чем-то пожертвовать, а я не готов. Вот что я понял в последнее время – я стал трусом. Отец мой не боялся работать у немцев и передавать сведения французскому правительству, а я опасаюсь резких движений. Даже твоя мать оказалась смелее меня – решила развестись и развелась.

Неприятное воспоминание будто толкнуло в грудь.

– Так ты поэтому так хандришь?

Отец не ответил. Они подъехали к дому, и Николя не спеша вышел из машины.

– Зайдёшь ко мне? – обернулся он к Максу. Тот заколебался – нужно было поехать к Бернарду, он что-то хотел рассказать о предстоящей командировке. Но время ещё было.

– Зайду. Надо поговорить, – решил он.

В квартире было необычно пусто и... грязно. Из кухни не доносились обычные вкусные запахи, не шумела вода, не звенела посуда, как он привык, когда мама была дома. На

столе, на тумбочке стояли грязные чашки, бокалы, пепельницы были полны окурков. Николя достал бутылку красного вина и два чистых фужера.

– Выпьешь со мной?

Макс отрицательно покачал головой.

– Объясни, почему вы разошлись с мамой? Ты изменил ей?

Николя тяжело сел рядом и, глядя на тёмное вино, мрачно усмехнулся.

– Можно и так сказать – я изменил всей её семейке. Так выразился Бернارد, когда я заявил, что хочу уехать в Россию.

Макс оторопело глядел на отца. Тот налил целый бокал и с жадностью выпил, словно это была вода.

– Новость за новостью... Чего это вдруг? Ты же говорил, что никогда не решишься...

– Да! Я трус! – пьяно закричал отец. Он как-то быстро опьянел, и Макс подозревал, что его мешки и помятый вид свидетельствуют о постоянных возлияниях в последние дни. – Я боялся неизвестности, а теперь мне надоело под всех подстраиваться. И если Бернارد с твоей матерью считают, что у тебя или у них самих будут неприятности от родства со мной, то я уеду.

– Что за глупость! Отец, успокойся, прошу тебя, сядь... Chacun porte sa croix en ce monde³, – Макс забрал пустую бутылку у отца, пытавшегося налить из неё вина. – Давай по-

³ Каждый несёт свой крест в этом мире.

говорим спокойно. С чего ты взял, что у меня будут неприятности? У нас полно приезжих, все живут и работают, как смогут устроиться.

– Сынок, – глядя мутными глазами, продолжил отец, будто не слушая его, – всем есть место в Европе, кроме русских. Нас никогда не понимали и не поймут. Мы внешне – да, похожи на них, но внутренне другие. Нам придётся или ломать себя, подстраиваясь под них, или уезжать. Третьего не дано. Тебя ещё это не коснулось, но вот увидишь...

Николя вдруг встал и нетвёрдой походкой подошёл к книжной полке, где всегда стояли его любимые книги. Он вытащил одну из них и показал Максу.

– Помнишь у Набокова?

– Что я должен помнить? Какой роман ты имеешь в виду?

Отец не ответил, просто открыл первую страницу и начал читать:

– *"Сообразно с законом, Цинциннату Ц. объявили смертный приговор шёпотом. Все встали, обмениваясь улыбками..."* Ха-ха, разве это не про нас, Максим? Улыбки и приговор... А потом ещё и с палачом, будь добр, подружись... На, возьми, почитай на досуге, чтобы освежить в памяти, что тебя ждёт.

Макс взял книгу, только чтобы не спорить, и усадил отца на стул.

Николя сел и опустил голову на руки. Было неприятно видеть отца в таком состоянии. Пожалуй, за много лет это было

впервые. И он его не осуждал – разрыв с матерью – тяжёлое потрясение. Получается, они из-за него развелись?

– Почему мама верит Бернаруду? А ты... отец, от тебя я не ожидал такой бесхарактерности.

– Разве женщину можно уговорить делать то, что она не хочет? – вдруг разумно спросил Николая, подняв голову.

Макс смутился, вспомнив вчерашний вечер с Валери.

– Да, я понимаю.

– Что, уже понимаешь? Подожди, это цветочки.

– Ты же не знаешь, о чём я, – с досадой заметил Макс.

– Да все они одинаковые... – махнул рукой Николая, – ещё наплачешься. Эх сын, поехали вместе в Россию, а? Мне одному будет одиноко.

Такая грусть была в глазах отца, что Макс чуть было не пообещал. Но, встряхнувшись словно от наваждения, возразил:

– Никуда я не хочу ехать, мне и здесь хорошо. Здесь свободная страна, а там... неизвестно что.

Поморщившись, будто от кислого лимона, Николая вздохнул.

– Не надо разговоров о свободе, о правах человека. Я уже сыт этим по горло. Всю жизнь преподаю литературу и постоянно боюсь слово лишнее сказать: вдруг донесут, что я гомофоб или занимаюсь путинской пропагандой? А как говорить о русской литературе, где всё построено на нравственности, и одобрять гей-парады? А? Тебя не допрашивали, как

ты относишься к этим п...? А меня всё время допрашивают. Нет, надоело врать, скрывать свои чувства. Одно радует, что через год на пенсию... Тогда уже можно будет не молчать.

Макс посмотрел на часы – пора было ехать к Бернарду. Он упросил отца лечь на диван, немного прибрался в комнате. Подумав, взял книгу и тихонько вышел, заметив, что Николай уснул. На душе было тревожно. Рушился привычный, уютный мир, но в душе ещё теплилась надежда всё исправить. Может, родители одумаются? Ведь не верит же мама, что отец способен уехать от неё в далёкую Россию? Кому он там нужен? Да и сама она выглядела расстроенной. Нет, надо обязательно их помирить.

Ободрённый таким решением, он поехал к офису Бернарда.

Глава 5

Всю ночь Бернард не мог уснуть – его душила ярость. Он не мог смириться с решением Франсуазы разделить завещание между сёстрами и двумя внуками. Как несправедливо! Ведь это его трудами держится семейный бизнес! И ладно бы, только завещание, но и текущие доходы, которых бы не было, если бы не успешное вмешательство Бернарда много лет назад. Франсуаза прекрасно разбирается в моде, машинах и хороших манерах, но ничего не смыслит в бизнесе. Если бы не он, то не было бы денег ни у неё, ни у её дочек, ни у внуков. Только Бернард знал, как надо рекламировать семейное вино, где продавать и сколько просить за него. А Катрин и Алис еле сводили концы с концами в своём магазине шоколада. Хорошо, что Катрин хоть иногда спрашивала его совета.

Нет, что-то надо было делать с этим завещанием... Может, опротестовать в суде? Бабка вроде как из ума выживает...

Он тяжело поднялся с одинокой мятой постели (в последнее время они с Катрин спали раздельно) и решил поехать в редакцию пораньше.

В редакции ещё никого не было, и Бернард с облегчением, наслаждаясь тишиной, прошёл в свой кабинет. Голова гудела от мыслей и бессонной ночи. Что делать? У него были

такие планы на деньги от виноградников... Ладно, Катрин и Жерар ещё поделятся, но зачем она дала деньги Алис и этому русскому выкорымышу? Что-то тёмное зашевелилось в душе Бернарда, и он почувствовал угрызения совести. Когда Макс был маленький, Бернард по-своему любил его. Он вдруг вспомнил, каким ласковым и добрым ребёнком был племянник. С сыном всё время были недопонимания, ссоры, а когда родился Максим, он внезапно узнал, что дети, оказываются, умеют слушать и вежливо отвечать взрослым. Почему с собственным сыном у него не получалось такого контакта, как с племянником? Но с годами ему всё больше нравилась активность Жерара и раздражала задумчивость Макса. Бернард не мог заставить себя не думать о том, что отец Максима – русский.

Про национальность в приличном обществе говорить не полагалось, но никто не мог убедить Бернарда, что кровь предков, которая течёт в наших жилах, не влияет на характер человека. Влияет. Так же как в Максе он чувствовал русскую кровь, чужеродную европейцу, так и в себе он явственно ощущал деловую немецкую кровь бабки по матери, по фамилии Беккер. Ах, как было бы замечательно, если бы она вышла замуж за немца, а не за француза! Но во время войны многие бежали от Гитлера во Францию. Не избежала участи и семья его матери. Однако, воспитанная по-немецки, с немецким трудолюбием, немецкой деловитостью, она передала это и сыну, уже будучи почти француженкой. Бернард

ду иногда казалось, что он больше немец, чем француз, хотя немецкой крови у него была всего одна четверть.

Французская фамилия всё больше мешала Бернарду, и он уже подумывал взять бабкину, немецкую. Теперь, когда он решил открыть филиал в Лондоне, он столкнулся с недоверчивостью англичан, не любивших вести дела с «лягушатниками». И они правы, чёрт возьми! Сколько раз он убеждался, что его соотечественники опаздывают на деловые встречи, едва извиняясь за невежливость.

С большим трудом он сумел убедить спонсоров в Лондоне в своей надёжности и умении вести дела. Французы любят соревноваться друг с другом, но начинать новый проект, который может принести славу, а может, и нет, уговорить их было трудно, даже при всей выгодности предложения. В таких случаях эта осторожность доводила до бешенства практичного и расчётливого Бернарда. И только нелогичное поведение Франсуазы, выжившей из ума старухи, которая вдруг решила одарить деньгами и имуществом, в виде обширных виноградников, и обеих дочерей (вместо того, чтобы по обычаю, оставить всё старшей), и внуков, не укладывалось в составленную им картину французского характера.

Вообще, семья де Бошан раздражала его своей инфантильностью. Про деньги было говорить неприлично, однако все ими пользовались в своё удовольствие. Драгоценная супруга одевалась только в дорогих магазинах на бульваре

Османа, оправдывая свои покупки качеством ткани. На его мужской взгляд – платье как платье, да и ткани самые обыкновенные, но у женщин своя логика. А французским жёнам и слова не скажи, не то что у немцев. Его немецкий приятель Шнайдер, с которым они познакомились в Лондоне, нарисовал совсем другую картину семейной жизни, где даже богатые женщины спрашивали мнение мужа. Нет, во Франции такое невозможно. Попробуй скажи хоть слово против – получишь в ответ недельное молчание, которое в результате обойдётся ещё дороже из-за количества подарков для задабривания недовольной супруги.

В коридоре слышались быстрые шаги секретарши. Тонкая дверь в кабинет не спасла от запаха кофе и горячего багета, которым девушка питалась каждое утро. Бернард поморщился – вот обжора! И как она умудряется жрать столько мучного и не толстеть? Он вздохнул, оглядев свой толстый живот, и поднялся из-за стола.

– Бонжур, Марлен! – привычно растянув губы в улыбке, поприветствовал он рыжеволосую секретаршу, которая с аппетитом хрустела багетом. Увидев выглядывающего шефа из кабинета, она чуть не поперхнулась, но быстро сглотнула и сделала умное лицо.

– Бонжур, месье! Я не знала, что вы уже здесь.

– Здесь, здесь, – проворчал Бернард, – вот что, Марлен, найдите мне материалы по Ираку. Всё, что там происходит и что пишет наша пресса, и позвоните Жерару, скажите ему,

чтобы зашёл ко мне.

Секретарша кивнула и с готовностью включила компьютер.

– Десять минут, месье, и документы будут у вас на столе.

"Нет, она хоть и выглядит дурой, но с работой справляется отлично", – подумал, закрывая дверь, Бернард.

Про Ирак ему намекнул Дюран. Этот банкир всячески способствовал журналу Бернарда стать официальным органом правительства Франции. Бернард понимал, что, спонсируя его, Дюран наверняка рассчитывал на прославление себя и получение ордена Почётного легиона, либо, на худой конец, на Национальный орден заслуг. Что ж, пусть получает свой орден, а Бернарду главное – быть на плаву. Во время засилья интернета печатному изданию выживать становилось всё сложнее. И такой спонсор, как Дюран, был на вес золота. С ним никогда не прогадаешь и попадешь в нужную струю, хотя в последнее время Бернард часто замечал, что национальные интересы Франции приносились в жертву чиновниками из Брюсселя в угоду заокеанским хозяевам. Да... не так-то просто угадать нужный тон для статьи.

Но с Ираком всё было более-менее просто: Олланд хотел отправить авиацию в помощь американцам, и для этого нужно убедить фракции в Национальном собрании и Сенате. Хорошая статья в его журнале будет весьма кстати и не останется незамеченной. Нужно послать и Жерара, и Макса. Жерар хорошо и правильно пишет, а Макс прекрасно фотографиру-

ет. Да и на душе будет спокойнее, если они поедут вместе...

В коридоре слышался негромкий разговор. Открылась дверь, и в кабинет вошёл Жерар. Глядя на сына, Бернард невольно залюбовался и даже загордился, что у него такой отпрыск: высокий, стройный, выглядевший невероятно стильно в белоснежной рубашке с чуть поднятым воротником. Когда он проходил мимо девушек в редакции, разговоры стихали и каждая старалась улыбнуться красавчику. Бернард хотел сразу заговорить о деле, но он невольно произнёс то, о чём давно думал:

– Жерар, скажи мне, почему Валери выбрала Макса, а не тебя? Чем ты хуже?

Жерар остановился, будто налетел на невидимую преграду, но взял себя в руки и хитро улыбнулся, присаживаясь за большой стол для совещаний.

– Ещё неизвестно, отец, кого она выбрала. Сдаётся мне, что Валери не нравится авантюрный характер брата. А она женщина расчётливая, хоть и выглядит воздушной феей. Только Макс может быть таким слепым, чтобы не понимать, чего добиваются такие женщины.

– А ты понимаешь? Что-то я не помню, с кем у тебя были серьёзные отношения? Тебе уже тридцать пять, пора бы уже подумать о браке.

– Согласен, отец, но жениться на ком попало я не хочу. Валери мне нравится, как никто. Я отобью её у Макса.

Бернард по-новому посмотрел на сына. Он всегда считал

его правильным и чуть занудным, но сейчас перед ним сидел уверенный в себе мачо. Смутно припоминая своего тестя – мужа Франсуазы, он вдруг поразился, как Жерар похож на него. Испанец тоже был весьма уверенным в себе, оттого Франсуаза ревновала его почти до смерти.

– И как ты собираешься это сделать? Она же давно встречается с Максом.

– Это даже к лучшему, – пожал плечами Жерар, – успели надоесть друг другу. Особенно Макс со своей художественной натурой. Женщинам нравится, когда их смешат, когда понимают их потребности, когда им интересно с мужчиной. Их всегда тянет к тем, кто успешен. Даже такая, вполне уверенная и самодостаточная женщина, как Валери, хочет жить рядом с мужчиной, который будет для неё примером. А Макс никогда не выйдет из своих романтических грёз... Думаю, у меня получится отбить её.

– Ну, дело твоё... Вот что, – задумчиво проговорил Бернارد, – поедешь через несколько дней в командировку в Багдад. Это не опасно, будешь под охраной американцев. Зато после этой поездки будешь выглядеть героем.

– Отлично, – фыркнул Жерар.

– Но всё-таки я хочу, чтобы Макс поехал с тобой.

– Зачем? Я и сам прекрасно справлюсь, – горячо запротестовал Жерар.

– Мне так будет спокойней, я сегодня вызвал его на вечер, – отрезал Бернارد, – а если Валери станет твоей женой

– это будет огромной удачей и для тебя, и для меня, и... для нашего бизнеса. Ты понимаешь, о чём я? Дюран влиятельный человек – в его банке хранят деньги многие из правительства. Тебе известно, что через него к нам оттуда – Бернارد показал пальцем вверх, – текут заказы, а вместе с ними и средства.

– Отец, тебе всё мало денег? Мы вроде не из бедной семьи, – лениво возразил Жерар, постукивая пальцами по столу.

– Да твоя бабка Франсуаза совсем обезумела! – неожиданно воскликнул Бернارد, – это ж надо – разделила наследство на четыре части! Где это видано? Ну поделила бы между дочерьми, но она же ещё и вам выделила доли...

– И что же тут плохого, если у меня будут деньги?

– У тебя – неплохо, а вот то, что наши деньги достанутся русским – мне это совсем не нравится. Ни Алис, ни Макс не способны ими хорошо распорядиться. Алис непрактичная, как все женщины, а Макс... – он помолчал, – скорее нищим раздаст, чем их преумножит. Всё-таки в нём очень чувствуется кровь русского отца.

– Папа, ты чего такой националист? Ведь мы братья, я почти забываю, что он полурусский.

– А я не могу забыть об этом, – нахмурился Бернارد, – и всё время боюсь, что он из-за своей щепетильности когда-нибудь подведёт меня. Если бы он не носил нашу фамилию, давно бы уже уволил его. Одна надежда на тебя.

– Я не подведу, обещаю, – снисходительно улыбнулся Жерар.

Глава 6

Багдад встретил невыносимой жарой и запахом пыли и песка, который сразу закрипел на зубах, не успели они выйти из аэробуса. В забытом Аллахом багдадском аэропорту стояло всего три одиноких самолёта. Зато почти прямо к трапу подъехали два джипа, которые прислали за ними американцы. Жерар уверенно повёл за собой Макса и оператора к машинам.

– Жить мы будем в "зелёной зоне", – пояснил братец, – то есть на территории американского посольства.

Макс с любопытством поглядывал в окно машины, высматривая достопримечательности древнего города. Но, кроме бетонных заборов, блокпостов, броневиков и вооружённых иракских солдат, ничего необычного не замечал. Лица у всех были напряжённые, без улыбок. Сплошные патрули, шлагбаумы и дзоты.

Разочарованный, он оторвался от окна. Жерар сидел рядом и что-то уже писал в блокнот.

– Ты можешь мне объяснить цель нашей поездки? Что мы должны снять, о чём написать? – спросил Макс.

Жерар посмотрел на него задумчиво, закрыл блокнот и словно школьнику начал пояснять:

– Отцу поручили поместить в журнале несколько статей, чтобы осветить обстановку в Ираке. Олланд решил помочь

американцам в борьбе с террористами, но для этого нужно убедить фракции в Национальном собрании и Сенате. Я буду готовить репортажи, ты фотографировать, но можешь и порисовать.

– Спасибо за разрешение, – усмехнулся Макс, потирая подбородок. Было необычно ощущать густую щетину на лице. Длинную бороду отращивать он не хотел, но чёрная щетина выглядела очень модно. Правда, Валери не понравилось – слишком жёсткие волосы кололи её нежную кожу при поцелуях.

– Не знаю, правда, – засомневался Жерар, – как у нас сложатся отношения с американцами. В последний раз, когда я с ними общался, мне они показались слишком высокомерными. Честно говоря, это страшно раздражало.

– Я научу тебя, как всем прийти по нраву: улыбки расстачай налево и направо... – продекламировал Макс, чуть переделав четверостишие.

– Чего это ты стихами заговорил?

– Это не я, это Омар Хайям.

– Если я буду готовить хронику типа "Один день в Багдаде", то обязательно попрошу тебя подобрать стихи, а пока думаю сделать другой репортаж, – снова заглядывая в блокнот, сказал Жерар, – так что готовь фотографии, а не вирши.

– И каким же будет твой репортаж?

– "Развитие доказательства". Знаешь такой тип репортажа?

Макс неопределённо пожал плечами. Жерар оживился:

– Ну это же очень просто! Ты показываешь один эпизод, который подтверждает мнение читателя, то есть то, что он уже знает. А потом с помощью фотографий и комментариев к ним меняешь картинку. К концу репортажа первоначальные представления читателя меняются на противоположные. Этакая информационная бомба и самое эффективное оружие, – самодовольно закончил братец.

Машина наконец остановилась возле высокого бетонного забора. Над "зелёной зоной" висел дирижабль. Макс с любопытством смотрел на территорию, которую называли "крепостью Америки". По размеру она была больше, чем Ватикан. Да и по сути это была маленькая страна со своими жителями, а главное, со своей армией.

И всё-таки Жерар был искусным дипломатом. Он сразу нашёл общий язык с майором, который был приставлен к ним для охраны. Они перешли на английский и быстро договорились о поездке по городу, а пока охрана их проводила в один из домов, где жили сотрудники посольства. Макс не очень хорошо знал английский и потому больше помалкивал, раздумывая, насколько будет удобно ездить по городу всё время под охраной. К американцам он, как и Жерар, относился предвзято. Ему претила их самоуверенность и бахвальство, которое он замечал в каждом жесте: и как они отдавали честь, и как демонстрировали оружие, и как насмешливо смотрели на них, гражданских журналистов. Но Макс

понимал, что без их уверенности и профессионализма им не обойтись в этом беспокойном месте, периодически сотрясаемом взрывами и стрельбой.

Немного отдохнув, они отправились в первую поездку по Багдаду на полицейской машине. Джип, как ледокол, пробивал дорогу среди заторов на улицах грязного и неухоженного города. Иногда уставшие от пробок водители пытались подрезать полицейский джип, и тогда полисмен, словно регулировщик, ставил их на место, только вместо жезла он демонстрировал автомат.

Первой остановкой был рынок Сук ас-сарай. У Макса зарябило в глазах от огромного количества товаров: разноцветные ткани, обувь, ковры. В нос бросился смешанный запах кожи и сладких фруктов. Они прогуливались между рядами, на ходу пробуя тот или иной понравившийся фрукт. В восточном базаре есть своё очарование – можно долго прицениваться, торговаться, просто делиться новостями. Главное, уметь правильно завести беседу с продавцами.

Макс с удовольствием фотографировал продавцов, которые все подряд ему напоминали Ходжу Насреддина. Они зычно призывали покупать золотые висюльки, кольца и цепочки, сделанные, скорее всего, в Китае.

Жерар купил изящный браслет со словом «Любовь» арабской вязью, а потом что-то пытался спрашивать у местных, но из тех невозможно было вытянуть ни слова. Вид корреспондента, окружённого вооружённой охраной, не распо-

лагал к откровенности. Макс тоже присмотрел для Валери изящные серьги, а после достал маленький блокнот и занялся излюбленным делом — начал зарисовывать колоритные фигуры восточных мужчин в чалмах и женщин в хиджабах, хотя подобные одеяния часто встречались теперь и в Париже.

Макс не понимал, о чём хотел рассказать в своём репортаже Жерар. Брат просил оператора снимать чаще вооружённых американцев, чем местных, которые выглядели вполне мирно.

На рынке среди покупателей преобладало женское население. Тучные и стройные, старые и молодые женщины в национальной чёрной одежде ходили между лавками и осматривали товар. Но внимательный Макс заметил, что больше чем товар их занимала беседа друг с другом. Тогда между прилавками возникала пробка из группки оживлённых дамочек, которые, как и в любой стране и в любые времена, с горящими глазами рассказывали друг другу новости. И в этой непосредственности был искренний интерес друг к другу. Максим вспомнил, как общаются на французских вечеринках: никаких сильных эмоций, никаких неприятных новостей и тем более громкого смеха — это неприлично и просто недопустимо. Здесь всё было не так, и Макс дал себе слово вернуться на рынок без охраны. Только вот получится ли?

Но "зелёная зона" не означала тюрьму, а потому через пару дней Максим оделся в полувоенный костюм защитного

цвета, не забыв кепку и чёрные очки от палящего солнца, и прямо у ворот посольства поймал такси, указав водителю адрес рынка. Жерар возражал против его поездки в одиночестве – это было не по правилам, но понимал, что ни один офицер не будет ждать Макса, пока тот будет кропотливо делать зарисовки.

– Одень хотя бы бронежилет, – проворчал он, оглядывая на прощанье брата.

– Ты хочешь, чтобы я поджарился? – покачал головой Макс, – будем надеяться, что я сойду за местного. А в бронике только внимание к себе буду привлекать...

И вот он рисует недалеко от чайханы и вдыхает ароматный запах сваренного чёрного чая. Да, здесь, в отличие от европейской традиции, чай не заливают кипятком, а варят несколько минут. Вскоре Макс уже не смог больше противиться аппетитным запахам и зашёл внутрь помещения.

– Ас-салям алейкум, – поздоровался он с хозяином. Тот расцвёл от приветствия и ответил:

– Ва-а-лейкум ас-салям, что желаете? Может, попробуете люми-Басра? – предложил доброжелательный чайханщик в чёрно-белой арафатке на голове.

– Что это за зверь? – удивлённо спросил Макс.

– К чёрному чаю добавляются маленькие высушенные лимоны.

– А-а, давайте, лимон лучше утолит жажду... Жарко тут у вас, сил нет, – пожаловался Максим.

– Господин военный или художник? – глядя на альбом с рисунками, спросил старик.

– Уж точно не военный, – усмехнулся Максим, – скорее, корреспондент.

– А откуда вы?

– Из Франции.

– Что вас привело к нам?

– Да я и сам честно говоря не знаю. Моё дело рисовать и фотографировать, что я и делаю с удовольствием. Очень всё необычно и интересно, – искренно ответил Макс. Он оглянулся и отметил, как удобно сидят мужчины на мягких цветастых матрасах и подушках вокруг низких столиков. Беседа была негромкой, и атмосфера в чайхане располагала к беседе и отдыху от суматошного города.

– Присаживайтесь, господин, чего ещё изволите?

Но Максим заказал только чай и уселся наблюдать за гостями чайханы. В Париже встреча с арабами в квартале, куда не заглядывала полиция, не предвещала ничего хорошего – ограбят и пырнут ножом. А здесь – будто другие люди. И молодые, и пожилые иракцы вели себя с достоинством, с уважением друг к другу. Однако жизнь в Европе, видно, заставляла их забывать все правила поведения вежливых людей. А может быть, проявлялось презрительное отношение к французам, которые сами отвергли все ценности, кроме формальной улыбки, и теперь ничего не могли противопоставить хамскому напору людей, пытавшихся выжить в чу-

жой стране.

Чайханщик подсаживался к некоторым гостям и весело беседовал с ними, как с друзьями. Макс подумал, что его белая кожа никогда не позволит ему стать своим в этой компании, потому что местные в основном подозрительно относятся к приезжим, особенно к белым в военной форме. Никто не забыл, какой была страна до вторжения американцев, и какой стала после убийства Саддама. Однако следующий гость перечеркнул его предположения.

В чайхану зашёл белый мужчина в костюме защитного цвета, но в странной широкополой шляпе, под которую был одет платок такой же чёрно-белой расцветки, что у иракца. У него были пронзительные голубые глаза, русые волосы и чуть рыжеватая короткая борода, которая резко контрастировала с чёрной и жёсткой щетиной Максима и остальных посетителей в этом кафе. Он заговорил со стариком на арабском, и Максу показалось, что они друзья.

Русоволосого мужчину хозяин встретил как брата – после рукопожатия он поцеловал свою ладонь и прижал её к груди. А парень достал из кармана какие-то таблетки и протянул старику. Тот поднёс пачку поближе к глазам и благодарно что-то забормотал. Он ещё долго кланялся, заглядывал в глаза и, наконец, радостно побежал варить чай, когда посетитель расположился за соседним столиком. Парень заметил интерес Макса и неожиданно подмигнул.

– Привет, ты откуда? – на английском спросил он.

– Из Франции, – задумчиво ответил Макс, соображая, кто сидит перед ним – британец или русский.

– А-а, лягушатник, значит, – выдал себя русский, добавив обычное прозвище французов на своём языке, не рассчитывая, что Макс поймёт.

Максим открыл было рот и хотел ответить на русском, но тут снаружи раздались странные хлопки. Парень резко встал и быстро вынул из кармана оружие.

– Что-то случилось, – пробормотал он про себя, – не высовывайся, если не хочешь получить пулю, – на английском бросил он Максу и осторожно вышел на улицу.

Немногочисленные посетители чайханы, в том числе и сам хозяин, с растерянным выражением лиц замерли за столами и не думали высовываться. Макс помнил наставление американских инструкторов, которые призывали в такой ситуации лечь на пол или спрятаться в укрытие, но вопреки правилам его тянуло за русским.

Немного поколебавшись, он с опаской выглянул наружу и увидел, что русский сидит на корточках за ближайшим прилавком, владелец которого в страхе лежал на земле, и смотрит в ту сторону, откуда доносились выстрелы. Макс спрятался за другой прилавок и тоже посмотрел на парня, отстреливающегося от полицейских. Террорист вдруг поднял руку и бросил гранату. Раздался взрыв, оба полицейских упали, а сам бросавший помчался в сторону чайханы. Нехорошие мурашки пробежали по коже – что делать? Оружия у него

нет, а у стариков в чайхане тем более... Но тут раздался выстрел, и террорист упал, словно споткнувшись на ходу. Макс перевёл глаза туда, откуда прилетела пуля, и увидел русского, державшего в руках пистолет. Меткий выстрел выдал в нём профессионала. Внезапно за его спиной Максим заметил какое-то шевеление – сзади к русскому подбирался ещё один террорист и целился аккуратно ему в спину.

– Осторожно, сзади! – крикнул Максим.

Русский быстро обернулся и сразу выстрелил, опередив террориста лишь на миг. С другого конца рынка уже бежали несколько человек полицейских, где-то вдаль с сиреной подъехал американский джип. Военные рассредоточились по рынку.

– Спасибо, я не заметил второго. Если бы не ты, он бы мне в спину выстрелил. Ну, раз Бог сохранил мне жизнь, значит я ещё не все дела сделал на этом свете, – весело подмигнул парень и подошёл к Максу, протягивая руку, – давай знакомиться – Иван. Пошли в чайхане посидим, и ты расскажешь, откуда знаешь русский язык.

Макс пожал крепкую руку и удивился спокойствию русского, который выглядел так, словно ничего особенного не произошло.

– Максим. У меня отец русский, и в опасности я даже не замечаю, как перехожу на русский язык. А ты сам-то кто, что так ловко стреляешь?

– Российский консультант по безопасности.

– Чьей безопасности? – не понял Максим. Они зашли обратно в чайхану и снова сели за столик.

– Российских специалистов, которые работают в Багдаде. А на оружие имею разрешение, – добавил Иван и благодарно кивнул ожившему хозяину чайханы, когда тот поспешил принести чайник на их столик.

– Я смотрю, ты не очень удивился, когда услышал выстрелы.

– Кто же этому удивляется в Багдаде? Наоборот, здесь при малейших хлопках люди уже испуганно озираются и пригибают голову.

– А ты не боялся погибнуть, что так уверенно вышел на улицу, когда слышал стрельбу?

– Как тебе сказать, – усмехнулся Иван, – если бы я не боялся, то уже давно бы погиб, а если бы боялся, то не стал бы наниматься на эту работу.

– А почему вы называетесь консультантами, а не охранниками?

– Потому что мы разрабатываем безопасные маршруты для наших подопечных, организовываем им сопровождение, чтобы в итоге все остались живы и вернулись на Родину. Они же не только работать хотят, но и на рынок ходить, и на экскурсии, и даже на рыбалку, – весело улыбнулся русский, впервые показав белые зубы. Его внимательные глаза, с мелкими морщинками вокруг, чем-то напомнили Максиму отца. Он не выглядел таким Рембо, его жилистая фигура не увя-

зывалась с образом крутого парня. Но Макс видел его реакцию, когда он быстро развернулся и выстрелил в террориста, а потому в его профессионализме уже не сомневался.

– А с американцами и британцами вы общаетесь?

– Американцы нам визируют разрешение на ношение оружия – вот и всё общение. А британцы сильно осторожничают и не стараются подружиться. В Басре, их зоне ответственности, почему-то чаще всего происходили теракты и диверсии. Наверное, поэтому они за пределы базы особо не высываются, ездят строго по своему маршруту. И на свою базу никого не пускают. К нам один раз приезжал какой-то англичанин. Мы думали – хочет навести контакт, обменяться телефонами. Но он поднялся на верхний этаж просто чтобы посмотреть, не простреливается ли с нашей высоты их база. Мы для них почти как иракцы.

– Мне казалось, что европейцы в таком сложном регионе должны держаться вместе.

– Ты ещё скажи – дружить, – насмешливо поддел его Иван.

– А почему бы и нет?

– Да ладно, не обижайся, мы тоже на это рассчитывали. Но когда у нашего технаря случился гнойный аппендицит, мы решили отвезти его в ближайший госпиталь к англичанам, так они даже ворота не открыли, послали нас и всё. Выручили арабы... Хотя мы их тоже выручаем – наш врач многих бесплатно лечит.

– С арабами, значит, легче подружиться?

– А что здесь удивительного? – пожал плечами Иван, – надо просто знать хотя бы немного их обычаи и менталитет и не оскорблять их своим невежеством.

– И какой у них менталитет?

– Ты меня удивляешь, во Франции, по-моему, сейчас треть населения – арабы, а ты меня спрашиваешь, какой у них менталитет.

– Да у нас никто этим не интересуется. Каждый возвращается в своём кругу...

– А, ну да... Арабы ценят смелость, щедрость, а главное – умение держать слово. В их понятии благородный человек – это тот, кто делает то, что обещал. Но не со всеми, конечно, можно подружиться, – задумчиво протянул Иван, потягивая чай. – Нам часто приходилось идти на хитрость, чтобы не рисковать жизнью наших специалистов: то другой транспорт заказывали, то неточное время выезда сообщали полиции, то направление меняли. Всякое бывало. Сейчас стало лучше, но тоже хватает неприятностей. Недавно воду привезли отравленную. Хорошо, что сами же водители и предупредили, чтобы мы её не пили, а то бы...

– А почему вас хотят убить? И кто?

– Ты задаёшь слишком много вопросов, на которые я не всегда знаю ответы, брат, – задумчиво произнёс Иван.

Макс удивился, когда услышал, как его назвал русский. Даже в русской общине, где он вырос, никто не называл дру-

зей братьями. Скорее всего, Иван долго прожил на Востоке и проникся местными обычаями. Но Максим удивился ещё больше, когда услышал, что чайханщика-араба Иван назвал отцом. Какой он ему отец? Никогда бы ни американец, ни француз не назвал араба отцом. Что-то было в русской культуре, чего Макс не знал...

Дверь с шумом открылась, и в кафе, громко топая, вошли несколько полицейских, за которыми Макс увидел знакомую фигуру американского офицера с автоматом. Он тоже узнал Максима и кому-то крикнул на улицу:

– Он здесь!

Вошли ещё двое. Один из них был Жерар. Вид у него был взволнованный.

– Макс! Как ты?

Максим досадливо поморщился от такой опеки и встал навстречу брату.

– Нормально, что ты кричишь?

– Как что? Ты здесь один, без охраны... На рынке какой-то сумасшедший бросил бомбу, кто-то стрелял...

– Я не один... Кстати, вот этот человек убил двоих террористов.

Жерар удивлённо уставился на Ивана, который в это время общался с полицейскими и показывал им разрешение на ношение оружия, завизированное американцами. Майор посмотрел на печать и подтвердил её подлинность. Во взгляде военных и полицейских недоверие сменилось скрытым ува-

жением к русскому, не испугавшемуся вступить в противостояние с террористами в одиночку. Они отдали честь и собирались на выход.

– Поехали, Макс, хватит тебе уже здесь сидеть, – потянул за рукав Жерар.

Максим повернулся к Ивану и протянул ему руку:

– Прощай, рад был знакомству.

– И тебе не хворать, может, ещё встретимся, – широко улыбнулся русский. – Передавай привет отцу.

– От кого? – удивился Максим.

– С Родины...

Глава 7

Самолёт приземлился в Париже ближе к вечеру, и Макс, пока они с Жераром проходили паспортный контроль, позвонил Валери. Он едва сдерживал нетерпение, дожидаясь, чтобы она извлекла из своей необъятной сумки телефон и наконец ответила на звонок. Жерар насмешливо поглядывал, но Максу было всё равно, что думает брат. Он соскучился.

– О, Макс, привет, – легко и без особых эмоций ответила девушка, – как ты? Уже прилетели?

– Я приеду к тебе? – нетерпеливо спросил Максим, махнув рукой такси, – или, может, ты ко мне?

– Не-е-ет, дорогой, сегодня я занята. Но ты не расстраивайся, завтра обязательно увидимся, ладно? Я позвоню. Целую, не скучай.

Хорошо, что Жерар сел в другую машину и не видел его разочарования. Он смотрел на родной город, уже начинавший включать вечерние огни, но не видел ничего. Какая-то грусть сжала сердце. Уже не в первый раз Валери отказывала ему в свидании. Однако причина тоски сейчас была в другом. Вместе с разводом родителей в его личную жизнь проникло прозрение, что отношения людей вовсе не так просты, как ему бы хотелось. Всё больше и больше он убеждался, что одни и те же понятия счастья, любви, правды люди понима-

ют по-разному. Недавно из любопытства он залез в русский словарь Даля, чтобы прочитать, как трактуется слово «счастье». Оказалось, что трактовок несколько. Одна из них объясняет счастье, как соучастье или со-частье. Получается, что человек счастлив только с кем-то, а одному невозможно быть счастливым. Всё правильно, Макс и не мыслил свою жизнь в одиночестве. Но почему тогда брак нужно откладывать и откладывать? Он мысленно задавал этот вопрос Валери, но не понимал, как она ответит. Её чуть насмешливая улыбка была слишком неопределённой, чтобы вселять надежду. И всё-таки Макс хотел форсировать события и добиться обручения.

Он с досадой подумал, что денег почти не осталось. Надо завтра пойти на Монмартр и порисовать туристов, тогда, глядишь, и на кольцо заработает.

Чёткий план принёс небольшое успокоение, однако, когда он ложился спать в одиночестве, глухое беспокойство от ревнивых мыслей заставило его ворочаться без сна ещё полночи. Зачем Жерар купил браслет с арабским словом «Любовь»? Кому он собрался его дарить? Катрин? Слишком прост для взрослой женщины. Есть ли у него девушка? Об этом Макс было неизвестно. И больше всего он боялся увидеть этот браслет на Валери...

Яркое солнечное утро развеяло грустное настроение, напавшее вечером на усталого от перелёта Макса, и обещание Валери свидания вселяло надежду на счастье. Купив у меся

Брайона тёплый багет, он поспешил на Монмартр, где между миниатюрными ресторанчиками, кафешками и сувенирными магазинчиками десятого квартала сидели художники, такие как Макс, и рисовали туристов, мечтавших получить портрет и рассказывать всем своим знакомым, что он был нарисован художником самого знаменитого квартала Парижа. Кто-то продавал готовые работы, а Макс делал и то, и другое.

Он аккуратно расставил свои работы на небольшой стенд, добавив и те, которые нарисовал в Багдаде.

– Ого! Ты уже на арабскую культуру переключился? – удивлённо заметил Жан-Пьер, приятель, с которым они просидели на Монмартре не один год. – Как, кстати, твоя поездка в Ирак? Понравилось?

– Сложно сказать, – задумчиво ответил Макс, – скажу только, что арабы там совсем не такие, какими они выглядят здесь.

Жан-Пьер с любопытством принялся рассматривать иракцев в национальной одежде, которых Макс изобразил сидящих за чашкой чая, оживлённых женщин на базаре, выбирающих украшения, и старика-чайханщика, прижимающего в приветственном жесте руку ко лбу. Портреты получились удачными.

– Как живые! – восхитился приятель, – талантливый ты парень, Макс. Только кто здесь их купит? Сюда за видами Парижа идут, а ты арабов выставил.

– А, пусть стоят, – махнул рукой Максим, – Париж я уже устал рисовать. Сегодня портретами займусь.

Туристы прогуливались мимо художников и присматривались к работам. Пока не было заказов, Макс принялся по памяти рисовать лицо Ивана, невольно подчёркивая округлость русского лица, небольшой нос и красивую окладистую бороду, которая среди французов была редкостью.

– А это кто? На араба не похож, – заметил Жан-Пьер, – твой знакомый?

– Можно и так сказать, – уклонился от ответа Макс. Он заметил, что рядом встала маленькая девочка лет десяти, в белом платье, и стала наблюдать, как он рисует.

– Маша, ты куда убежала? – по-русски взволнованно произнесла подбежавшая пожилая женщина, – а если бы я тебя потеряла?

– Бабушка, я хочу, чтобы дядя меня нарисовал, – жарко зашептала девочка, беря её за руку.

– Зайка, здесь, наверное, очень дорого, а у меня денег осталось в обрез, – покачала головой женщина. Она не рассчитывала, что кто-нибудь поймёт её среди французских художников, но Макс понял.

– Хотите, я бесплатно нарисую вашу девочку? – неожиданно для себя предложил он. Женщина удивлённо уставилась на него.

– Вы русский?

– Француз, – улыбнулся Макс, – но знаю русский язык.

Так нарисовать вашу внучку?

– Мне неудобно бесплатно, – замялась женщина, – вы же на жизнь зарабатываете.

– От меня не убудет, – махнул он рукой, – очереди всё равно нет. Садись, красавица... – он подвинул девочке небольшой стульчик.

Девочка с удовольствием села, расправив платье, а бабушка встала неподалёку.

Макс увидел, что лицо девочки – округлое, с маленьким курносым носиком, а главное – щёчки сердечком, по форме напоминало лицо Ивана. Он быстро поймал основные черты малышки и изобразил весёлые глазки, которые внимательно и терпеливо смотрели на него.

– Вот и портрет, – Макс был доволен результатом. – Любуйтесь на свою Машу.

Женщина посмотрела на рисунок и смущённо поблагодарила:

– Я и не надеялась на такую удачу... Спасибо вам. А откуда вы так хорошо говорите по-русски? Вы недавно здесь живёте?

– В четвёртом поколении, – ответил Максим. – У меня прадед из первых эмигрантов, бежавших от революции.

– Вот как, – задумчиво протянула женщина, – надо же, какая встреча... А у меня дед как раз в ЧК на Гороховой работал.

– Но вы-то там не работаете? Вас мне не надо бояться? –

засмеялся Макс.

Женщина вдруг неприязненно взглянула на него, взяла за руку внучку и бросила:

– Меня бояться не надо, а лучше бы нам не общаться. Западная культура уже совсем заполонила бедную Россию.

– Так и сидели бы дома, мадам. Чего разъезжать по Западу? – крикнул он раздражённо ей в след, но женщина уже ушла, не обернувшись на его замечание.

– Чего ты разозлился? – поинтересовался Жан-Пьер, – она тебе не заплатила?

– Я бесплатно рисовал её внучку, – буркнул Макс.

– Бесплатно? – выпучил глаза приятель, – ты что, самый богатый? Как на жизнь-то заработаешь, если бесплатно будешь всех рисовать?

– Что ты ко мне привязался? Заработаю, не твоя печаль. Может, вон картины купят...

– Да кому они нужны, в Париже-то? Ты бы ещё китайцев нарисовал... Вечно ты всё делаешь по-своему, не считаешься с законами рынка, поэтому и денег зарабатываешь меньше всех.

Но Максу было не до денег. Последние слова женщины его неприятно поразили. Отец собирается в Россию? Так он наслушается там таких замечаний... Нет, нечего им делать в России. Во всяком случае, Макс точно туда не поедет.

Вскоре появились и другие клиенты: влюблённая немецкая парочка, пожилой испанец, чем-то напоминавший Же-

рара, и пожилая дама, по виду француженка, явно увлекавшаяся востоком, потому что на руках и на шее у неё были украшения с арабской вязью. Пока Макс её рисовал, она всё время поглядывала на портреты иракцев и в конце неожиданно попросила рассмотреть их поближе.

– А ведь я как будто встречала этого старика. Вы не в Багдад случайно ездили?

– В Багдад, – удивился Макс.

– Не удивляйтесь, у меня муж из Ирака. И этого старика я помню – он чайханщик, возле рынка торгует. Правильно?

– Точно.

– Я куплю ваши рисунки... Все... Сколько с меня?

Макс почувствовал завистливый взгляд приятеля, который предрекал ему безденежье, и назвал хорошую цену. Но женщина не испугалась высокой стоимости и спокойно расплатилась и за портрет, и за рисунки.

– А ты говорил, что я не знаю законов рынка, – весело подмигнул Жан-Пьеру Макс, – я зато другие законы знаю.

– Какие это другие?

– Как аукнется, так и откликнется, – по-русски ответил Максим, – A bon salut, bon accueil⁴.

Он был доволен – денег заработал достаточно, можно купить Валери хорошее кольцо. А сейчас он бежал со всех ног к машине, чтобы поймать свою капризную красавицу в обеденный перерыв.

⁴ На добрый привет – добрый ответ.

Их встречи стали редкими в последние дни, но больше всего Макса беспокоило видимое охлаждение Валери. Он себя успокаивал, что у неё много планов, много работы, но понимал, что врёт сам себе. Когда он оставался один, на ум иногда приходил случай из детства: родители подарили ему большой аквариум с плескавшейся в нём золотой рыбкой. Он взял его в руки вопреки запрету отца и зачем-то понёс в другую комнату. Аквариум оказался тяжелее, чем он ожидал, и пальцы разжались... Сосуд разбился, вода залила пол, а рыбка уплыла вместе с ручейком под кровать, и пока он её искал, успела задохнуться... Теперь ему казалось, что Валери, как та золотая рыбка, ускользает из его рук.

Его горячая любовь не смирялась с мыслью о расставании, и он не сдавался, стараясь быть интересным и непредсказуемым кавалером. Часто у него это получалось, и Валери становилась то более нежной, чем всегда, то более горячей. Однако когда он пытался поговорить серьёзно об их отношениях, она принимала рассеянный вид и переводила разговор. Он не смел настаивать, и ревность терзала его сердце, словно червоточина, неприметная снаружи, но которая медленно и верно разрушает всё изнутри...

Бизнес-центр, где работала Валери в филиале банка своего отца, находился на улице де Кастильоне, недалеко от Сада Тюильри. И уже не один раз они брали бутерброды, сок и шли гулять в одно из самых красивых мест Парижа. Но в этот раз Макс решил отвезти девушку к Дворцу Открытий.

Он с нетерпением высматривал её, когда она выйдет из бизнес-центра, и без долгих разговоров, поцеловав Валери, усадил её в машину.

– Ты сможешь немного задержаться после перерыва? Я ужасно соскучился и предлагаю прогуляться по райскому саду.

Валери приподняла безупречные брови, её глаза смотрели удивлённо, а на губах порхала довольная улыбка – она любила сюрпризы.

– Сегодня я могу вернуться после перерыва попозже. Я уже предупредила секретаршу.

– Ты меня поражаешь... Ты знала, что я попрошу тебя об этом?

– Знала, милый, – наклонилась она к щеке Макса и легко поцеловала, – ты для меня иногда как раскрытая книга.

– Хм, не понимаю, хорошо это или плохо? – шутливо нахмурил брови Макс.

– Хорошо, хорошо, – погладила его, как маленького, по руке Валери, – кстати, завтра в семь часов я открываю арт-галерею. Ты придёшь? Выставлю твои работы, которые ты мне дарил. Ты не против? Скоро я стану сама себе хозяйкой, – мечтательно протянула она.

– Конечно не против, я тебе ещё подарю, – улыбался довольно Макс. Ему было приятно, что их отношения становятся не только любовными, но и деловыми.

Они доехали до Дворца Открытий. Макс провёл Валери

до статуи Швейцарских Альп, которая стояла среди колонн, увитых виноградным плющом. От них шла каменная лестница вниз.

– Нам сюда, – потянул её Макс.

Они спустились по разбитым ступеням и, пройдя через арку, попали в другой мир – в райский сад. Звуки машин исчезли, людей здесь было мало. Повсюду благоухала уже отцветающая сирень, бамбук, большие клёны шумели над головами. Тёмно-лиловые лозы винограда распространяли остро-сладкий аромат. Но главной была тишина. Только медленные шаги, еле слышно шуршащие по траве, нарушали таинственное беззвучие закрытого от остального мира сада.

Макс повёл Валери к небольшим скалам, где в нишах виднелись скамейки.

– А я ведь была здесь когда-то, – почему-то прошептала Валери, – да забыла, как здесь хорошо.

Она глубоко вздохнула, усаживаясь на скамейку, и радостно улыбнулась Макс. Тот уже больше не мог сдерживаться и сразу заключил её в объятия.

– Милая... – он гладил её волосы, целовал в маленькое ушко, в прохладную нежную щёку, в мягкие улыбающиеся губы. – Смотри, что я тебе привёз из Багдада.

Он достал серёжки и потянулся одеть в маленькие ушки Валери. Золотые ниточки, с зелёной капелькой на конце, очень подходили к её табачным глазам. Он рассказал ей о багдадском рынке, о восточных женщинах, о манерах чай-

ханщика, о важных американцах. Валери слушала и гладила его по руке, а потом обняла его за шею, и Макс потерял голову...

Вдруг что-то поцарапало ему щёку. Он хотел посмотреть, но она сжала его голову двумя руками и прошептала:

– Поцелуй ещё...

Они целовались так долго, что это уже начало превращаться в пытку...

– Я так больше не могу, Макс, – вздохнув, отодвинулась от него Валери, – встретимся вечером.

– Я за тобой заеду, – ответил Макс, неохотно выпуская её из объятий. – Сейчас поеду в клуб – Жерар попросил пофехтовать с ним. Мы что-то забросили наши игры мушкетёров, а ты помнишь, как иногда пригождается подобный навык.

– Да уж, – нахмурилась Валери, – драться шваброй с двумя арабами – это очень по-мушкетёрски.

– А Жерар, кстати, был в восторге, когда я ему рассказал. Думаю, поэтому он и попросил сегодня составить ему компанию.

– А кто из вас лучше фехтует?

– Чаще всего выигрывает он, – нехотя признался Макс, поморщившись, – я слишком горячусь. Да ещё и правила нарушаю...

– Как всегда... ты неисправим, – со смехом заметила Валери.

– Что же я могу сделать, если терпеть не могу правила. В

жизни не бывает всё по правилам, и тот, кто их нарушает – тот и выигрывает. Но... судьи придерживаются другого мнения, поэтому на соревнования меня не пускают.

Он говорил, а сам не переставал любоваться самой красивой девушкой на свете. Её табачные умные глаза, розовые губы и мягкие кошачьи движения приводили его в восторг. Какие у неё нежные пальцы... Макс взял её маленькую ручку в свою и... замер поражённый...

– А это что? – осипшим от страшной догадки голосом спросил он. – Откуда у тебя этот браслет?

Валери резко выдернула руку.

– Это что – допрос?

– Валери, я видел, как этот браслет покупал Жерар на рынке Багдада, – сквозь зубы произнёс он. – Когда он успел тебе его подарить? Он приезжал к тебе вчера вечером?

Макс напряжённо ждал ответа. Но Валери не смутилась, а молча встала со скамейки.

– Я не обязана давать тебе отчёта в своих действиях. Я встречаюсь с кем хочу и когда хочу. Мы ещё даже не обручены, если ты помнишь.

– Валери, но это то, что я хочу больше всего, – Макс встал вслед за ней и крепко взял её за талию. – Я никому тебя не отдам, слышишь?

Он сжал руки и потряс вырывающуюся девушку.

– Макс,пусти, – недовольно скривила губы Валери, – давай без глупых сцен ревности, ладно? В последнее время ты

меня замучил своими подозрениями. Пошли, мне на работу пора.

Макс отпустил её и хмуро пошёл следом. Сад, который ещё час назад казался райским, вдруг потерял свою прелесть. Повсюду стали встречаться парочки, и Макс у них казался более счастливыми, чем они.

– Почему Жерар ухаживает за тобой? Какие у него намерения?

Валери резко остановилась и повернулась к нему.

– Вот у него и спроси. Что меня-то допрашиваешь?

– И спрошу, – вскипел Макс. Он уже почти кричал от резкой боли в груди, словно его, безоружного и беззащитного, пронзили саблей насквозь. – Вот сейчас поеду и спрошу...

Они молча сели в машину и также молча доехали до места работы Валери. Не прощаясь, она вышла из машины, а Макс с безумной жадой мести поехал на встречу к Жерару.

Глава 8

Со времён мушкетёров для мужчин нет лучшего способа выяснения отношений, чем дуэль. Клуб, куда гнало ревнивое сердце влюблённого молодого человека, находился в Латинском квартале и представлял собой небольшой зал оружия, где учат всех желающих за небольшую плату фехтовать по старинным традициям. Здесь не было новейших костюмов с электропроводниками, фиксирующими укол или удар. Всё по-старинке, как во времена мушкетёров. Единственным обязательным условием была защитная маска на лицо.

Когда Макс вбежал в зал, Жерар уже приготовился к бою и нетерпеливо постукивал эспадроном по ноге.

– Ты мог бы не опаздывать, – вместо приветствия недовольно бросил он запыхавшемуся Максиму. Макс быстро надел шлем и взял оружие.

– Я готов, – сердце билось так сильно, что казалось, битва уже происходила у него внутри. Он постарался успокоиться, и после приветственного положенного салюта поединок начался.

Жерар не ожидал, что Макс будет так напористо атаковать. Обычно они долго присматривались друг к другу, разминаясь и проверяя реакцию. Но сегодня больше всего Макс хотел не спортивного состязания, а настоящего поединка. Одна мысль, что брат вчера был у его возлюблен-

ной, приводила в ярость. Рука с эспадронотом отлично успевала за молниеносными мыслями: сейчас толчок левой ногой и стремительный бросок до левой щеки Жерара, а теперь правой и бьём по его правой руке. Следующим стал самый опасный удар, внутренний, – снизу к горлу противника. Жерару осталось только отпрыгнуть...

– Стой, сумасшедший, – поднял руку брат, – подожди, я хотел потренироваться, а не вымотаться сразу на всю катушку.

– А я хотел бы тебе свернуть шею за твою подлость, – тяжело дыша, ответил Макс.

– За какую подлость? Ты о чём?

– Не понимаешь? – Макс поднял эспадрон, – сейчас я тебе объясню...

Он снова стал атаковать, и Жерар вынужден был защищаться.

– Ненавижу враньё, особенно подлое враньё... Ты знаешь, что я её люблю... и всё равно пытаешься ухаживать...

Макс начал уставать, но злость придавала ему силы. Жерар, напротив, вошёл во вкус, и стал чаще нападать. Его удары больно били по правой кисти и предплечью. Макс перехватил эспадрон левой рукой.

– Запомни, братец, – наступая, учил Жерар, словно неразумного мальчишку, – женщина всегда выбирает сама. И ты ничего не сможешь сделать, если Валери решит тебя бросить.

Жерар замахнулся, чтобы ударить его по голове, но Макс успел отбить тяжёлый удар и сделал двойной шаг вперёд, в ответ пытаясь ударить противника по щеке. Однако его атака тоже была отбита.

– Зачем её провоцировать? Я никогда бы не поступил бы так с тобой... А ты... подлый, грязный ловелас.

Лица Жерара под маской было не видно, но Макс почувствовал, что его последние слова задели брата. Его движения стали более хладнокровными и злыми. Правая рука Макса от ударов онемела, а левой он не так хорошо владел, как брат, и, выложившись в начале боя, теперь стал отступать и защищаться. Жерар это понял и начал делать замахы, словно желая его выпороть, как непослушного ребёнка. Собрав последние силы, Макс сделал двойной шаг назад, чтобы перейти в последнюю атаку, но не удержался на ногах и упал в тот момент, когда брат сделал сильный замах над его головой. Он машинально зажмурился, ожидая удара, но Жерар опустил руку.

– Ты, братец, вместо того чтобы пороть горячку, лучше бы раскрыл глаза на свою подружку и вспомнил – давала она тебе обещание выйти за тебя замуж и прожить с тобой остаток дней? А? Запомни, если ты нравишься девушке, то зачем ей принимать ухаживания других? А если она засматривается на других, то ты её уже не удержишь.

Макс молча поднялся. Болезненные удары остудили его пыл, всё тело ныло, но больше всего ныла душа от неприят-

ных вопросов Жерара.

– Успокоился? – снимая маску, спросил брат, – последи за ней более трезвым взглядом. Завтра, например...

– А что завтра? – мрачно спросил Макс.

– У неё открытие выставки. Наверное, будет много гостей. Вот и посмотри, на каком ты месте среди приглашённых. Она может выбрать и не тебя, и не меня, а кого-то третьего. А ты останешься в дураках...

– Тебя она тоже пригласила?

– Представь себе, мы же друзья, – насмешливо ответил Жерар.

– Ладно, посмотрю... Только всё же интересно, когда ты ей успел подарить браслет?

– Да утром заехал к Дюрану по делу и заодно подарил, – спокойно ответил брат.

– А слово «Любовь» на браслете случайно?

– Случайно, конечно... Да и какое слово должно быть на браслете у девушки? Старость? Или, может, деньги? Хотя деньги сейчас привлекают больше всего...

Макс уже не слушал Жерара. Ему не обидно было проиграть битву, страшнее всего было потерять любовь. Не нужны никакие доказательства верности или измены. Единство с женщиной или есть, или нет. Его ощущаешь, как воздух, как радость, разукрасившую жизнь яркими красками. И если эта близость с любимым человеком исчезает, то мир окрашивается в серо-чёрные тона, от которых хочется спрятаться

в ещё большую темноту...

* * *

Впервые Макс не позвонил вечером, и Валери почувствовала беспокойство. Разве он не целовался с ней вчера днём до безумия? Она думала, что после работы он будет ждать её возле офиса. Но Макса не было. Не подходил он и к телефону. Неужели он так глуп, чтобы из-за какого-то браслета бросить её?

Ах, этот Жерар так не вовремя влез со своим ухаживанием между ними, когда она ещё ничего толком не решила. Не сказать, чтобы ей были неприятны его знаки внимания – быть богатой, успешной и красивой – это ли не мечта любой девушки? Париж создан для таких, как она. И чувство радости от мысли, что её везде приглашают, ею любят, ей завидуют, давно поселилось в её душе, привнося в будни острые нотки яркой, интересной жизни. Любовь должна дарить только радость и наслаждение, а не проблемы и разборки, которые тянулись за ухаживанием Макса, как ненужный шлейф. Почему бы ему не принять её такой, какая она есть, какой создала её природа? Зачем лишние обязательства и клятвы, которые всё равно никто не исполняет, а нарушает их при первом удобном случае?

В этом плане Жерар был понятнее и более похож на неё. Из-за этого она и позволила ему немного за собой поухаживать.

вать, подозревая, что рано или поздно отношения с Максом – максималистом в душе (как ему подходит это имя!) – зайдут в тупик. Однако расставаться с ним она ещё не планировала...

Обдумывая отношения с молодыми людьми, Валери ни на минуту не прекращала бурную деятельность по оформлению своей арт-галереи вместе с Жозефиной, приятельницей, которую она пригласила в помощь.

Светлые просторные стены одного зала были увешаны картинами современных художников, в числе которых были и работы Макса, а второй зал был посвящён фотографии. Правда, выставка фотографий носила несколько скандальный оттенок... Она долго сомневалась, стоит ли начинать с такой темы, как "Мусорный Париж"? Но, с другой стороны, для рекламы нет ничего лучше скандала. В конце концов, Валери решила рискнуть. Она дала последние распоряжения рабочим, позвонила в рекламный отдел – уточнить, висит ли анонс открытия её выставки? Всё оказалось в порядке. Осталось развесить шарiki у входа и позаботиться о музыке внутри помещения.

Жозефина проявила себя отличной помощницей, и Валери даже подумывала пригласить её работать к себе.

– Валери, сейчас двери закроем, а во время открытия выставки я договорилась с диджеем, что он сразу включит торжественную музыку. Хорошо?

– Торжественную? Это какую же? Классическую?

– Да, что-то типа Мендельсона или Вивальди, если хочешь побыстрее...

– Что ж, можно только в самом начале пустить классику, а потом лучше что-нибудь из современных композиторов, а то Вивальди с фотографиями мусора не очень сочетается, – с улыбкой заметила Валери.

Подруга прыснула и побежала давать указания диджею. Худенькая, сероглазая Жозефина напоминала юркую мышку. Она была не ровней Валери по красоте, а потому и не могла затмить хозяйку галереи, что последнюю вполне устраивало.

Час открытия приближался, и волнение всё больше завладевало Валери. Придёт ли Макс? А Жерар? А другие приглашённые? Что о ней напишет знакомый репортёр? Он хоть и знакомый, но достаточно принципиальный, чтобы выдать нелестное мнение, если ему не понравится.

Наконец, часы пробили семь вечера, и Валери увидела из окна, что у входа уже собралось несколько человек. Невдалеке остановилась машина Макса, и тот не торопясь пошёл к двери, держа в руках небольшой букет. Она выбежала ему навстречу.

– Макс, как я рада тебя видеть, – как ни в чём ни бывало воскликнула она, словно и не было между ними размолвки.

Он кисло улыбнулся и подарил цветы. Выглядел он не очень хорошо – лицо было необычно бледным, а под глазами образовались синяки, которых ещё вчера не было. Но Вале-

ри так тепло поцеловала его в щёку, что Макс чуть растаял, замечая особенные знаки внимания к своей персоне.

Подъехал и Жерар, тоже держа в руках букет белых роз.
– Поздравляю, – с широкой улыбкой вручил он цветы. Валери поблагодарила, но гораздо скромнее, чем Макса, ощущая на себе его ревнивый взор.

Друзья, коллеги по банку, знакомые и незнакомые подходили и поздравляли. Все ждали открытия выставки с таким нетерпением, словно никогда не были на подобном мероприятии. Но в этом и была прелесть Парижа и парижан, которые любили искусство с жадностью и неиссякаемым интересом. Валери это знала и поэтому верила в успех...

Народ разбрёлся по залам, а она взяла под руку Макса и ходила с ним, будто с супругом, который тоже приложил руку к открытию выставки. Хотя отчасти так это и было. Во-первых, здесь висели его прекрасные работы с видами Парижа, а во-вторых, Макс сделал то, что он сам не ценил и даже не догадывался – он развил в ней вкус. Валери с удовольствием ходила с ним по выставкам известных и неизвестных художников и впитывала каждое его слово. Какой художник был подражателем, а какой новатором, кто войдёт в плеяду импрессионистов или постимпрессионистов, а кого забудут через пару лет. Его безупречный вкус и тонкое чутьё на хорошие работы помогали ей разобраться в новой для неё области. Макс стал для неё тем, кем была в своё время мачеха Брижит. Она научила её жить, а он помог ей с новой про-

фессией.

И картины первого зала вызвали неподдельный интерес у публики. Самым сложным был переход во второй зал...

– Скажи, а зачем здесь эти фотографии? – Макс оторопело остановился возле работы под названием "Помойка после выходного дня". – Тебе не кажется, что это не совсем искусство?

Мимо проходил Жерар. Он не выглядел ошеломлённым, как брат, а наоборот – подобная подборка экспонатов его развеселила.

– Bravo, Валери, если бы не второй зал, то твоей галереи никто бы не заметил. А так у тебя есть шанс.

– Вот видишь, Макс, а ты спрашиваешь – зачем...

Но Максим покачал головой.

– Я, пожалуй, ещё по первому залу похожу. А потом мы с тобой сходим куда-нибудь, ладно?

– С удовольствием, Макс.

Валери встречала новых гостей, угощала шампанским, давала интервью. Всё было хорошо. Её только немного беспокоила Жозефина, которая переоделась к открытию выставки в длинное вечернее платье с открытой спиной и выглядела очень эффектно. Так эффектно, что Жерар всё время останавливался возле неё с бокалом шампанского и что-то спрашивал. Она смеялась и соглашалась. Что соглашалась? Пойти в ресторан?

Гадкое чувство ревности, доселе неиспытанное Валери,

шеvelyнулось в душе. А впрочем, Жерар не её парень, чего ей ревновать? Но неприятное чувство не исчезало...

В ресторане играла негромкая музыка. Валери ощущала себя вполне счастливой женщиной. Она упрямо шла к своей цели, и, похоже, уже была близка к успеху. Вполуха слушая Макса, она улыбалась своим мыслям – как всё хорошо складывается в её жизни. Ей повезло, что отец с матерью развелись, и в её жизни появилась Брижит. Повезло, что отец богатый банкир. Повезло, что он не поскупился и поддержал её затею с арт-галереей. Повезло и с кавалером...

– Валери, ты меня слушаешь? Чему ты улыбаешься? – мягко спросил Макс, беря её за руку.

– Ах, Макс, я думаю о том, как я счастлива, – не стала она таиться, – у меня всё получается, это ли не здорово? С тобой мне так легко и просто, можно ничего не скрывать.

– А с другими не так?

– Понимаешь, всё время чего-то опасаясь, – задумчиво ответила она, – успех вызывает зависть, красота и богатство ещё больше... А кавалера того и гляди уведут, – засмеялась она, вспомнив похорошевшую Жозефину.

– Надеюсь, ты не думаешь, что я смотрю ещё на кого-то кроме тебя? – удивился Макс.

– Нет, ты редкий человек, – посерьёзнела она, – я иногда боюсь, что ты слишком серьёзно воспринимаешь жизнь.

– Это плохо?

– Это не плохо... но прошу тебя, восприми меня такую,

какая я есть...

– Что это значит, Валери? – с тревогой в глазах спросил он. – Что-то случилось? Что с тобой происходит в последнее время?

– Ничего не случилось, – досадливо поморщилась она, – но иногда мне кажется, что ты думаешь обо мне не так, как я себя вижу изнутри, словно выдумал идеальный образ и ждёшь, что я буду ему соответствовать. А я не идеал, понимаешь?

– Валери, когда ты улыбаешься, мне кажется, что никто так хорошо тебя не понимает, как я.

– Ах, как это наивно с твоей стороны так говорить! Я сама себя плохо знаю, а ты утверждаешь так безапелляционно. Макс, не надо ставить условие: всё или ничего.

Макс снова взял её руку.

– Что мне делать, если я не умею любить по-другому?

Валери с досадой поняла, что ей не убедить Макса относиться к жизни проще, но, с другой стороны, ей нравилось такое восхищение и обожание умного, тонкого человека, каким был её друг. Она так раскрывалась с ним, как ни с кем больше. Привыкнув к его ласкам и восхвалениям, Валери чувствовала себя женщиной-богиней и не могла уже без этого жить. Словно царица или маленький божок, она принимала подношения, как должное. Однако иногда это начинало утомлять. Внутри неё, как у каждого божка, было не сердце, а пустота, и потому настоящие чужие чувства не находили в

ней должного ответа.

Глава 9

Сквозь сон он услышал, что назойливо звонил телефон. Глаза не хотели открываться, и Макс решил, что кто бы это ни был, немного может и подождать. Однако в голове, как по сигналу, заскакали мысли и окончательно разбудили сознание. Первая мысль была приятной – о Валери, которая вспышкой любви в последнее свидание вдохновила его на творчество. И на следующий день он так увлечённо рисовал портреты симпатичных туристок, что к нему выстроилась очередь, и удалось заработать денег в несколько раз больше, чем обычно. Жан-Пьер удивлённо восклицал, не понимая, что происходит. Но секрет был прост – влюблённый Макс писал девушек красивей, чем они были на самом деле. Однако никто из них не возражал, и рисунки разлетались, как горячие багеты.

Вторая мысль, или, скорее, воспоминание вызывало тошноту и головную боль. Удачный день завершился попойкой с Жан-Пьером, и теперь Макс страдал, слушая, как трезвонит телефон, прорезая утреннюю тишину.

Кому он мог понадобиться в такую рань? Макс протянул руку и с удивлением обнаружил, что настойчиво дозвониться пытается мать.

– Что-то случилось с бабушкой? – после короткого приветствия тревожно спросил он.

На другом конце образовалась небольшая заминка.

– С бабушкой уже давно случилась старость, Максим, а к тебе у меня важное дело, о котором я не могу говорить по телефону. Приедешь сегодня?

– Приеду, – глухо ответил он, подавив вздох.

Парижане мучались от жары и с недоумением наблюдали за туристами, которых жажда новых впечатлений гнала по самым душным местам раскалённого солнцем города. Кто-то стоял в очереди, чтобы забраться на Эйфелеву башню, кто-то глазел на уличных музыкантов, таких же чокнутых, как и они. Кто-то сидел на открытой террасе, повязав горло шарфиком, якобы как настоящий француз.

Макс тоже любил шарфы, но даже сидя в прохладной машине, ему бы и в голову не пришло одеть что-нибудь на себя кроме шортов и футболки.

У дома Франсуазы, в Сюрене, было бы ещё жарче, если бы не высокие кипарисы, создающие густой листвой прятную прохладную атмосферу. Как он любил вдыхать этот запах! Он совсем не ощущался зимой, зато летом им невозможно было насладиться. Куда там до них самым лучшим духам! Нет ничего приятнее запаха цветов и деревьев, поэтому он и не любил особенно пользоваться одеколонами, сколько бы ему их ни дарили любимые женщины.

В доме было тихо, словно никто и не живёт. Но, видимо заметив его машину, со второго этажа спустилась мать. Алис была одета в деловой чёрный костюм с шёлковой белой ру-

башкой, совсем не для жаркого дня.

– Ты собралась на деловую встречу, мама? Как бабушка? Голубые глаза матери смотрели необычно серьёзно.

– Самое главное дело для меня – это разговор с тобой. Бабушка пока спит, потом её навестишь, а сейчас поднимемся к ней в кабинет.

– В её кабинет? Тебе она разрешила туда входить?

– Представь себе, – строго сказала мать, – я по её просьбе разбираю бумаги.

Они поднялись на второй этаж и зашли в комнату, обитую тёмным деревом, с большими книжными стеллажами до самого потолка. Макс у этой комнаты напоминала, скорее, библиотеку, если бы не массивный стол у окна из такого же дерева, что и шкафы, и стены. Мать уверенно села в большое кресло за ним и жестом предложила Макс усесться напротив.

– Смотри, вот что я нашла в её бумагах.

Макс развернул небольшую папку и увидел фотографию молодого Бернарда.

– Досье на дядю? Зачем бабушке понадобилось собирать на него материал?

– Посмотри на дату первого документа – больше тридцати лет назад... Видно, Франсуаза собрала этот материал, надеясь предотвратить свадьбу Катрин с Бернардом.

– И что тут такого страшного ты прочитала? Можешь рассказать своими словами? У меня голова болит, – чуть помявшись, попросил Макс.

– Я даже понимаю причину этой боли – похмелье? Так? – с усмешкой спросила Алис.

– Так, – покорно признался Макс, – перебрал немного вчера.

Алис вздохнула, но не стала читать нудные нотации. Она порылась в папке, где зачем-то лежали пожелтевшие газетные вырезки, и вытащила одну из них.

– Это история про первый брак Бернарда, который кончился очень печально.

– Первый брак? Я не знал, что у него была жена до Катрин.

– Была... И она умерла внезапной смертью, Макс, – почему-то шёпотом произнесла Алис, – твоя бабушка не добилась внятного объяснения от будущего зятя, что произошло с его первой женой. И поэтому наняла детектива. К сожалению, он, как и полиция, не смог доказать того, что Бернард причастен к её смерти. Официальной версией стала автомобильная катастрофа. Якобы эта... (мать посмотрела в бумаги) Жанетт от усталости заснула за рулём. Но где могла устать молодая, здоровая и богатая женщина? Она же не работала сутками на фабрике... Франсуазе тоже это показалось подозрительным. Тем более, что Бернард после её смерти получил кругленькую сумму, позволившую ему открыть собственный журнал в Париже.

– И что же накопал детектив? Нашёл доказательства? – мрачно спросил Максим.

– Доказательств не нашёл, но он разговаривал со многи-

ми людьми, хорошо знающими их семью, и все в один голос утверждали, что они собирались разводиться. А после развода, по условиям контракта, ему бы не досталось от её денег почти ничего.

– Нельзя же подозревать всех мужчин, которые хотят разводиться.

– Но не у всех так подозрительно погибают жёны, а главное, – она снова понизила голос, – не все такие страшные, как Бернард.

– Да брось ты, – лениво протянул Макс, – что в нём страшного? Обычный делец, который больше всего любит деньги, но монстра в нём я не вижу.

– Смотри, – Алис протянула другую бумагу, – детектив узнал, что в молодости Бернард был связан с криминальными группами, но опять-таки вышел сухим из воды... Могли у него остаться связи? Могли.

– А для чего нам сейчас об этом беспокоиться? Мало ли что у каждого было в прошлом...

– Макс, ты что – маленький? Прошное всегда влияет и на будущее, и на настоящее. Ты помнишь, что бабушка разделила своё имущество на нас четверых? И боюсь, что жить ей осталось недолго. Но это ещё не всё...

Мама задумалась.

– Я тогда не понимала, зачем она вписала такое условие, а после этих бумаг мне стало ясно...

– Какое условие?

– Если погибнет кто-нибудь из четверых наследников даже после вступления в наследство, то его часть делится на остальных, а не достаётся мужу или жене.

– Бернард это знает?

– Да, и как-то Катрин обмолвилась, что он был в ярости.

Она схватилась за голову, словно что-то обдумывая и не решаясь сказать.

– Это не всё, что ты хотела мне сказать? Я прав? – вкрадчиво спросил Макс.

– Прав, сынок, – усталым голосом подтвердила она. – Тебя, наверное, расстроил наш развод с отцом.

Что-то мрачное стиснуло грудь, будто напоминая, что та жизнь, которой он радовался все эти годы, больше не вернётся никогда.

– Николя мне сообщил, что он рассказал тебе о причинах... – Макс молча кивнул, – но это ещё не всё...

– Не всё? А-а... я понял, ты боишься, что нам угрожает опасность из-за этих дурацких бабушкиных денег? – зло спросил он, заранее не веря тому, что ответит мать.

– Не дурацких, Максим, не дурацких...

Она медленно обошла стол и наклонилась к его уху:

– Очень больших денег...

Он недоверчиво повернулся к ней и хмуро спросил:

– Очень больших в твоём понимании – это сколько? Сотня тысяч евро?

– Сорок миллионов, Макс, сорок... – выдохнула Алис ему

в ухо.

В тишине кабинета громко тикали большие настенные часы. Растерянный Максим не знал, что и сказать.

– А отец знает? – сипло спросил он.

– Нет, я не хочу его впутывать в наши семейные дела, тем более, что от Бернарда не знаешь, чего ждать. А тут ещё желание Николя уехать в Россию стало последней каплей для Франсуазы. Под влиянием Бернарда она пригрозила, что лишит тебя наследства, потому что испугалась, что ты уедешь вслед за ним. Но ей бы это и в голову не пришло, если бы не Бернард. Он кричал, что сыну русского не надо ничего завещать.

– Мне жаль, что из-за меня и денег разрушилась ваша семейная жизнь. Хотя я бы не пошёл на это из-за наследства.

– Я знаю, ты меня осуждаешь, – Алис снова села в кресло и грустно посмотрела на него. – Но я это делаю не из-за денег, а из-за тебя, не хочу, чтобы ты зависел от Бернарда, как сейчас. Поверь мне, это страшный человек. То, что Франсуаза ловко ввернула в завещание последний пункт – это наша страховка, но убить можно и сразу двоих, понимаешь? Будь осторожен, мой мальчик, – с последними словами она наклонилась к нему и взяла его за руку.

Он почувствовал её тревогу, плескавшуюся в голубых, уже окружённых морщинками глазах.

– Всё будет хорошо. Я буду осторожен, не волнуйся... – Максим погладил её суховатую руку и увидел, как мягкая

улыбка робко осветила её лицо. Так она улыбалась, когда он был маленьким... – К бабушке можно зайти? Как она себя чувствует?

– Пойдём, я тебя провожу. Она спрашивала о тебе...

Глава 10

Вечеринка, которую устраивал Бернард по случаю возвращения сына из Багдада, обещала быть не очень многолюдной. Многие парижане уехали из города, но Макс этому был даже рад – он не любил шумные компании.

– Отец всем рассказывает про мои подвиги, а про тебя ни слова. Но ты же понимаешь, что его сын я, а не ты, – смеялся Жерар, приглашая Макса на вечер.

– Да мне всё равно, не волнуйся, братец, – также улыбаясь, ответил Макс.

Он был в прекрасном расположении духа – они помирились с Валери, и всё остальное было не таким уж важным. После дуэли в клубе Макс и Жерар ещё морщились, обнимаясь при встрече, но не напоминали друг другу о причинах синяков на их телах. Макс был рад, что не поссорился окончательно с Жераром, а тот и вовсе будто всё забыл.

– Валери пригласил? – на всякий случай спросил Макс.

– А как же? Куда же без неё? – подмигнул Жерар. Но Макс почему-то стало неприятно. Он вспомнил, что они познакомились как раз в доме дяди Бернарда. Валери теперь занимала все его мысли, и он вдруг поверил, что встретил свою судьбу, лучшую половину, женщину, которая будет для него таким же другом, каким стала Белла для Шагала.

Да, он видел, что иногда в манерах Валери проскальзы-

вала избалованность любимой дочки в сочетании со странной недоверчивостью или даже цинизмом, словно она прожила большую жизнь и успела устать от неё. В такие минуты они спорили до хрипоты. Но споры у французов – самый популярный вид спорта. Споры переходили в шутки, потом в поцелуи и заканчивались милым примирением. В этом была прелесть французской нации, умевшей жить интересно и легко. Макс был уверен, что их совместная жизнь такой и будет, осталось только оформить отношения. Надо купить кольцо и объявить всем о помолвке. Пусть это произойдёт на обеде у Бернарда.

И сейчас Макс уверенно направлялся в ювелирный магазин, где уже давно присмотрел изящное украшение для тонких пальцев Валери. Чтобы ни говорила мать про деньги, которые завещала ему бабушка, сейчас богачом он себя не ощущал. Деньги доставались ему нелегко, но тратить их на свою девушку было большим удовольствием.

Район Булонь-Бийанкур, где жили отец и дядя Бернард, радовал глаз. Зелёные улицы украшали многочисленные фонтаны, которые так кстати создавали свежесть в жаркие дни. Весной зацветала сирень, и её запах проникал даже в закрытые окна.

Отец Максима жил в самом старом квартале этого района. Когда-то давно он продал обветшавший домик, который купил прадед Макса – Николай Константинович Елагин. Денег на его содержание и ремонт стало не хватать, и Николя при-

нял решение продать его и купить большую квартиру в Булони. Здесь же, в этом квартале, был единственный русский лицей-гимназия, где он преподавал русскую литературу, и в котором учился сам Макс.

Дядя Бернارد, в отличие от семьи Макса, купил апартаменты в новом квартале, который отличался многоэтажными домами причудливой архитектуры. Просторные комнаты, терраса с видом на маленький садик с ухоженными клумбами цветов, кусты сирени и прекрасная вишня, посыпавшая своими лепестками, словно нежно-розовым снегом, асфальт.

Дверь открыла мать Жерара – Катрин. Тётка была гораздо старше его матери Алис, но из-за маленького роста на первый взгляд казалась чуть ли не моложе. Отец всегда повторял в таких случаях русскую поговорку, что "маленькая собачка до старости щенок". Однако её очень старили очки в массивной оправе и с сильными линзами, из-за чего, на взгляд Макса, её овечье лицо выглядело не самым лучшим образом. Но самым отталкивающим для него был взгляд Катрин – пристальный, оценивающий и не очень доброжелательный. Макс не мог подавить ощущение, что если бы не Жерар, она бы его приглашала гораздо реже. Но своими ощущениями он ни с кем не делился, хотя видел, что отец чувствовал себя в этом доме точно так же неловко.

Как и полагалось в торжественных случаях, в придачу к любезной улыбке и поцелуям в обе щёки, он вручил Катрин букет белых роз, а подошедшему дяде Бернardu бутылку хо-

рошего шампанского "Вдова Клико". После недавнего разговора с матерью, Максим по-новому посмотрел на дядю, который, возможно, был замешан в убийстве первой жены. Но никаких признаков злодея в нём, как и ожидалось, не увидел. Дядя был настроен благодушно и, шумно поблагодарив за подарок, басовитым голосом пригласил в гостиную.

Максим не опоздал – это недопустимо в приличном обществе – но когда он прошёл в светлую гостиную, то увидел, что все гости уже были в сборе. При виде Валери у него ёкнуло сердце.

Они виделись всего пару дней назад, а он словно заново открыл для себя, какой хрупкой и утончённой она казалась в чёрном платье до щиколоток, смотревшимся чуть ли не монашеским одеянием, если бы не изящные разрезы на рукавах, оголявшие её худенькие плечи, которые он так любил целовать. Взглядом художника Макс отметил, что чёрный цвет невероятно шёл её белокурым волосам, и любое украшение уже было бы лишним. Её большие зелёные глаза внимательно следили за его реакцией. И когда Валери убедилась в произведённом эффекте, то улыбнулась такой нежной улыбкой, от которой Максу захотелось немедленно заключить её в объятия. Ему жгла карман коробочка, внутри которой лежало кольцо с нежным зеленоватым топазом, под стать глазам Валери.

Рядом с дядей Бернардом сидел сухощавый, высокий мужчина лет шестидесяти – отец Валери, господин Дюран.

Волосы его были зачёсаны назад, так что открытый лоб казался неестественно большим. Руки и ноги тоже производили впечатление слишком длинных, но его это не смущало — он поздоровался с Максом и снова сел, вытянув огромные ступни на всеобщее обозрение.

Квартира Бернарда сияла скрытой роскошью, которая не сразу бросалась в глаза. Однако достаток хозяев выдавали дорогие напольные часы, стоящие у входа и мелодичным звоном отбивающие каждый час, итальянская мебель из цельного дерева и восточные безделушки, купленные наверняка на аукционах. Ненавязчивая музыка звучала словно из потолка и проникала во все комнаты, не мешая разговору, а создавая уютную атмосферу.

На изящном белом столике стояли бокалы с аперитивом. Дамы предпочитали белое вино и шампанское, а мужчины брали виски. Максим особенно не участвовал в разговорах, молча наблюдая за Валери и лишь изредка вставляя словечки в беседу с Бернардом, Дюраном и Жераром. Ему только досаждал встревоженный вид матери, которая словно контролировала его каждое слово. Она беседовала с Катрин и Валери о летней моде, а сама внимательно наблюдала, не слишком ли резко высказывается Макс. Он удивлялся и в детстве такому контролю, но со временем понял, что всеми силами Алис пыталась доказать родным, что хотя, по их мнению, она сделала ошибку, что вышла замуж за русского, её единственный сын вырос настоящим французом.

Зато дядя Бернард выглядел именинником. Каждое слово сына он встречал с понимающей широкой улыбкой и блеском в глазах, словно Жерар рассказывал что-то новое, чего он ещё не слышал.

– А что тебя удивило в Багдаде, Жерар? – с вялым интересом спросил Дюран, потягивая виски. – Мы чего-то не знаем об арабах?

Жерар пожал плечами.

– Здесь мы их не замечаем, не интересуясь их культурой, а там всё наоборот – сам боишься попасть впросак, не зная чужих обычаев.

– И чем это может грозить, если ты сделаешь что-нибудь не по правилам?

– Если нечаянно обидишь хозяина заведения, то вместо кофе тебе принесут воду, и больше ты ничего от них не добьёшься, – со смехом заметил Жерар, – я прав, Макс?

Максим замечтался, глядя на Валери, и едва услышал последнюю фразу.

– Согласен, обычаи иракцев весьма занимательны. Например, мы не знали, что пожимать руку и смотреть в глаза – признак дурного тона. А если дорожишь дружбой человека, то после рукопожатия надо поцеловать свою ладонь, а потом дотронуться до своего лба.

– Я смотрю, ты не просто рисовал, а ещё и успел с кем-то познакомиться? – спросил Бернард.

– Да, было дело, – уклончиво ответил Макс. Ему не хо-

телось много рассказывать о себе, зато Жерар с увлечением поведал и об американской базе, и о бравых военных, которые везде сопровождали французских журналистов.

– Могли бы просто дать нам оружие, мы бы и сами не испугались, – чуть-чуть красуясь, добавил Жерар, – но порядок есть порядок.

Максу было немножко смешно видеть, как хвастается брат, но он его не осуждал – показать себя в выгодном свете – это нормально для французов, хотя сам Макс этого не любил.

– Бернارد, тебя можно поздравить, твой сын стал почти военным, – поднимая бокал в приветственном жесте, произнёс Дюран, – всё-таки командировка в Багдад – это не увеселительная прогулка.

– Ты прав, – с достоинством ответил Бернارد, – и я горжусь сыном. Как нарочно, во время пребывания в Ираке Жерара и Макса случился очередной теракт. Хорошо, что Катрин и Алис об этом узнали только тогда, когда мальчишки вернулись.

– И что же случилось, Жерар? – с любопытством в глазах спросил Дюран.

– Ну-у, – замялся брат, – я прибыл на место, когда террористы были уже мертвы. Честно говоря, я страшно испугался за Макса. Он меня не послушал и без охраны отправился на рынок – рисовать местных. Повезло, что рядом оказался профессионал, который уложил обоих террористов.

– Какой такой профессионал? Кто-нибудь из американцев? – уточнил Бернард.

– Нет, русский.

– Откуда там русские, да ещё военные профессионалы? – Бернард наклонился вперёд, почувствовав жареный факт.

– Там много русских специалистов, а охраняют их, вероятно, ребята из частных компаний. С одним из них я случайно встретился в чайхане. Мы только заговорили, как снаружи раздался взрыв...

Макс рассказывал о случившемся, а сам краем глаза заметил, как женщины прервали беседу и стали внимательно слушать его рассказ. Алис и Катрин сидели нахмурившись, а Валери сначала крутила в руках браслет, а потом вдруг замерла, вглядываясь в его лицо.

– Почему ты вышел вслед за русским, Макс? Неужели тебе не было страшно? – наконец, спросила она. Её крупные табачные глаза смотрели тревожно и так участливо, что Макс почувствовал жар в груди, как в первый раз, когда она ответила на его поцелуй...

– Я решил быть осторожным, но любопытство погнало меня наружу, – с усилием отвлекаясь от собственных мыслей, ответил он.

– Безрассудство, – проворчал Бернард. Он был явно недоволен, что не Жерар был главным действующим лицом в этом происшествии.

– Однако мы засиделись, прошу вас в столовую, – Катрин

как радушная хозяйка пригласила всех за стол, где гостей уже ждало горячее.

Немного отведав вкусной стряпни хозяйки и не забыв похвалить её кулинарные способности, мужчины снова заговорили о делах. Бернард поведал, что хочет выпускать журнал и на английском. Дюран одобрительно покивал, но, заметив, что прекрасный пол заскучал, решил перевести деловой разговор в шутку. Посыпались всем знакомые остроты, которые женщины знали наизусть, но им было приятно внимание, а потому над каждой шуткой они заливисто смеялись.

– Ох уж эти англичане, – отдуваясь от сытного блюда, проговорил Бернард, – лучшее из того, что есть между Англией и Францией – это море, как говаривал Дуглас Джерролд. И это единственный англичанин, с которым я согласен.

Мысли Макса всё время возвращались к тому разговору, ради которого он пришёл сюда. Надо остаться с Валери наедине. Может, вызвать её в гостиную? Гости потихоньку вставали из-за стола, чтобы перейти на террасу, которая освещалась будто сцена невидимого театра.

Был чудесный июльский вечер. Кругом, из всех кустов и деревьев, высаженных неподалёку от дома, сладко голосили птицы, словно подавая пример любовной песни и подталкивая влюблённого Максима не тянуть с признанием. Да он и не хотел тянуть, ему надоело одиночество. Но кроме желания жить вместе, его обжигала ревность. Сегодня взгляды Жерара снова были такими выразительными, а интона-

ция голоса по отношению к Валери такая нежная, что сердце Макса останавливалось. Но Валери отвечала Жерару с неизменно спокойной улыбкой, и Макс успокаивался, однако ненадолго, подозревая, что не сможет удержать девушку, если она увлечётся другим...

Бернард и Дюран позвали Макса на террасу.

– Макс, иди к нам, и, кстати, ты не знаешь, где Жерар?

Макс вышел на террасу и покачал головой, оглядываясь. Катрин и Алис сидели на диване и что-то обсуждали. Валери и Жерара нигде не было. Гонимый ревностью и подозрением, Максим немного погодя вышел из дома. Тёмная улица окутала его запахом жасмина и тишиной. Жёлтые фонари мягко светили среди деревьев, словно необычные цветы в волшебном саду. Он огляделся, но никого не увидел. Среди тёмных веток пронёсся странный вздох. Макс замер и прислушался.

– Я не хочу тебя ни с кем делить, – раздался глухой голос Жерара.

За репликой последовала пауза, и Макс отчётливо понял, чем они занимаются. То, что рядом с братом была Валери – в этом он не сомневался.

– Подожди, – чуть задыхаясь, прошептала Валери, – надо сначала сказать Максу, а потом уже выяснять наши отношения. Мне не хочется его обманывать, нам с ним было так хорошо вместе.

– Если вам было так хорошо вместе, что ж ты его бросаешь? – насмешливо спросил Жерар.

– Это сложно объяснить... Такое ощущение, что я перегрела. Видеть постоянно его преданный взгляд, добивающийся от тебя такого же ответа, – довольно утомительно. Он не понимает меня и не хочет даже попытаться понять, всё время твердит о своём, не интересуясь моим мнением.

Первым желанием Максима было броситься и заорать, что уже давно понял, что она хитрая лиса, пользующаяся его любовью, но ноги словно приросли к земле. Они ещё рассуждали о том, что он делает неправильно: и слишком романтический, и игнорирует общепринятые нормы, и непрактичен, поэтому никогда не будет богатым... Он слушал рассеянно и поражался собственной раздвоенности. Одной половине души было больно от насмешек любимых людей, но другая часть хладнокровно отстранилась и словно препарировала его сердце. "Тебе больно и обидно? – вещала она, – тогда на будущее – не будь таким глупцом, слушай и запоминай." И он слушал и запоминал, чтобы больше так не обжечься.

... – Должен же быть какой-то выход, – протянула Валери.

– Выход есть, – едва владея голосом от ярости, проговорил Макс, выходя из тени. Они чуть отпрянули друг от друга, а он жестоко продолжил: – зачем всё усложнять? Видишь... – он вынул из кармана заветную коробочку, быстро открыл её, достал кольцо и показал Валери. Зеленоватый камень ярко блеснул при свете фонаря. – Пусть всё отправляется к чёрту...

С этими словами Макс со всего размаху бросил кольцо в

рядом стоящую урну, за ним отправил и коробку.

– Вот всё и разрешилось, теперь вы можете объявить о своей помолвке.

С этими словами, горько усмехнувшись, он шутливо поклонился молчаливо стоящей парочке и пошёл в дом, даже не понимая, зачем ему туда идти. Но увидев бутылку джина в гостиной, Макс налил себе в бокал изрядную порцию. За первым бокалом пошёл второй, а потом и третий. Голова закружилась почти сразу. Он вышел на террасу. Валери с Жераром уже сидели за круглым садовым столом и напряжённо на него смотрели, держа в руках бокалы с шампанским. Остальные гости не подозревали о случившемся и спокойно беседовали.

Всё вдруг в этом доме ему показалось чужим и ненавистным. Ненавистно заискивание Катрин перед мужем. Неприятно самодовольство дельцов Бернарда и Дюрана. Раздражали тревожные взгляды матери, почуявшей что-то неладное. И более всего невыносимо было видеть парочку Валери и Жерара, объединившихся в смутном ожидании скандала. О, а ему как раз и хотелось сказать что-нибудь неожиданное, что разрушит идиллию этого лицемерного общества, у которого снаружи всегда всё хорошо, а что происходит в душе – никого не волнует...

Макс всячески крепился, потягивая очередной бокал джина, но злость душила его так сильно, что он уже начал задыхаться.

– Простите меня, – встал он, покачнувшись, – мне надо идти.

Дюран и Бернард удивлённо вскинули головы.

– Так рано, Макс? Что с тобой, ты заболел?

– Да, пожалуй, я болел, но уже принял лекарство и скоро поправлюсь, – заплетающимся языком ответил Макс.

Под пристальными взглядами гостей, в полной тишине, он подошёл к входной двери и обернулся:

– Прощайте, мадамы и месье, ах, простите, и мадемуазель... Или, Валери, вы уже тоже скоро станете мадам?.. Желаю счастья...

С этими словами Максим шутливо поклонился, но не удержался на ногах. Чтобы не упасть, он схватился за напольные часы, казавшиеся абсолютно устойчивыми. Увы, это было обманчивое впечатление – часы не удержали пьяного Макса и с грохотом упали прямо на него. Гости подскочили и побежали на помощь, но Макс этого уже не увидел – от удара об угол часов он потерял сознание.

Глава 11

Бернард смотрел на остановившиеся часы и вздыхал – он так долго ждал, пока их привезут из Швейцарии, и вот... не успели прослужить и месяц, как этот мальчишка умудрился их сломать, да ещё и голову себе разбил.

Когда улеглась суета с врачом и перевязанного пьяного Макса отправили в дом Николя неподалёку, Бернард уговорил Дюрана задержаться. Они сидели на террасе вдвоём и медленно потягивали шампанское "Вдова Клико", которое тоже принёс этот смутьян.

Бернард не знал, о чём думал Дюран. У него не выходила из головы радостная новость, на которую намекнул Жерар перед уходом, что удалось расстроить помолвку Макса и Валери. И теперь есть надежда породниться с Карлом Дюраном.

– О чём думаешь, Карл? – решился спросить Бернард. – Надеюсь, ты не против плана Жерара серьёзно ухаживать за твоей дочкой?

– Конечно не против, тем более что мне никогда не нравился выбор Валери. Но я надеялся, что у неё не хватит серьёзности, чтобы ответить на чувства Максима. Так и произошло.

– Вот как... Ты не одобрял? Только не говори, что тебя он раздражает тем же, чем и меня.

– Я не знаю, чем он тебе не угодил, но меня определённо пугала возможность породниться с русским. Боюсь, ты даже не подозреваешь, под каким увеличительным стеклом меня рассматривают там... наверху, и родство с русским означало бы конец моей карьере. А тебе он чем не нравится? Много пьёт, как все русские? – насмешливо спросил Дюран.

– Да нет, пьёт он меньше меня, это точно, и даже меньше Жерара, иначе не смог бы стать хорошим художником. А вот то, что из-за него Франсуаза изменила завещание и поделила наследство на четверых, – это меня приводит в такую ярость, что иногда даже смотреть на него не могу.

– И большое наследство?

Бернард помедлил с ответом.

– Большое... Если всё будет в порядке, то я буду миллионером.

– Что ж... для владельца журнала – это отличная новость, но если ты хочешь подняться выше, то, боюсь, тебя заметят только начиная с тридцати миллионов. Хотя... и это не главное.

– А что главное? Расскажешь, Карл? Ты же знаешь, что мои планы не менее честолюбивые, чем твои, иначе жить неинтересно, если нет никакой цели.

– Ты прав, приятель, я тоже так считаю. В наше время, когда всё вроде на виду, структуры вроде "Клуба островов" остаются по-прежнему в тени, и только посвящённые могут приблизиться к истинной власти, а не к той, которую якобы

выбирает народ.

– Звучит, как лекция про масонов или про мировой заговор, – усмехнулся Бернارد, делая глоток шампанского.

– Называть можно по-разному, а суть не меняется. Правители приходят и уходят, а семьи с богатой родовой историей будут всегда. И их благополучие не зависит от мелких чиновников, которых они сами и нанимают.

– А почему ты их так защищаешь, Карл? Разве нам, простым смертным, это выгодно?

Дюран поставил бокал и наклонился к Бернardu.

– Мне выгодно, потому что я сам служу им.

Бернارد оторопел.

– Вот как?.. И давно?

– С тех пор, как приехал в Париж. Меня заметил один чиновник и предложил работать на них. Я согласился.

– А я могу быть вам полезным? – прокашлявшись, спросил Бернارد.

Карл молчал и постукивал длинными пальцами по столу. Бернارد почувствовал себя словно школьник на экзамене.

– Может быть, тем более, что мы скоро породнимся. Но тебе придётся доказать свою лояльность, неукоснительно выполняя задание. Учти – это не игрушки, и если ты согласишься, обратной дороги для тебя не будет.

– Я согласен. Что надо делать?

– Ну что же, первым заданием будет «зелёная» повестка, которую надо осветить в следующем месяце в твоём журна-

ле. Олланд должен закрыть атомные станции.

* * *

На следующий день Бернард прибыл в редакцию с больной головой, но настроение у него было на подъёме.

– Марлен, бонжур, – проходя мимо рыжей секретарши, буркнул он, – быстро вызовите мне Жерара.

– Хорошо, месье, – проворковала девушка и с деловым видом стала набирать номер.

Жерар, видимо, был где-то поблизости, потому что явился через пять минут.

– Отец, я уже ехал к тебе, да сомневался, на месте ли ты так рано... Вдруг ты не отошёл после вчерашнего.

– А что вчера?... А-а, ты про этого смутьяна... Бог с ним. У меня к тебе дело поважнее, сядь.

Сынок уселся напротив, Бернард налил себе воды для важного разговора и неторопливо начал:

– Когда вы ушли, я попросил Дюрана задержаться. Он, кстати, весьма доволен, что ухаживать за Валери будешь ты, а не Макс. Это первое. Но самое главное... как тебе сказать... – Бернард решил не посвящать сына во все подробности разговора, но что-то надо было объяснить. – В общем, если наше сотрудничество будет плодотворным с твоим будущим тестем, то мы с нашим журналом сможем подняться очень высоко. Понимаешь?

– Понимаю. А что ты хочешь от меня?

– Поедешь в командировку на Украину. Сначала проедешься по Чернобылю, пофотографируешь ужасы катастрофы... ну, ты знаешь, как это делается. А потом поучаствуешь в экофоруме в Киеве. Твоя задача осветить проблему атомных станций. Я слышал, что украинское правительство хочет отказаться от русского топлива и перейти на американское. Какие будут последствия этого, зачем им это надо и так далее...

– Подожди, отец, когда нужно ехать?

– Желательно вчера, но ты можешь поехать через два дня.

– Я не могу, – твёрдо заявил Жерар.

– Что-о? – Бернард привстал, не веря своим ушам. – То есть как это не можешь? Ты хорошо понял, что я тебе сказал? Для нас это чрезвычайно важно! Это первый настоящий шаг к сближению с такими кругами... Да что я тебе должен объяснять? Ты что идиот? Не понимаешь?

– Успокойся, отец, – поднял руку Жерар. Его красивое лицо нахмурилось, – выслушай меня сначала, а потом кричи. Если решишь, что мне всё равно надо ехать – я поеду.

– Что у тебя произошло? – проворчал Бернард нетерпеливо.

– Валери нашла в Лионе хорошего художника и попросила меня поехать с ней, чтобы посоветоваться, какие картины стоит покупать для своей галереи. Кстати, её бизнес тоже обещает быть весьма прибыльным. Скандальная выстав-

ка сыграла свою роль – посетителей много. Я бы не хотел отказывать ей сейчас, когда наши отношения только зарождаются, ты понимаешь, о чём я?

Бернард смотрел в окно и раздумывал.

– Хорошо, для меня ваши отношения важнее, чем командировка. Вернее, поездка-то важна, но, думаю, Макс справится без тебя. Пусть съездит последний раз, а потом, наверное, нам придётся расстаться.

– Чем тебе брат не угодил?

– Я тебе уже говорил, что не доверяю ему.

– Ладно, отец, это твои дела. Честно говоря, мне немного стыдно перед Максом – отбил у него девушку. Пусть хоть развеется в поездке.

– Не развеется, а отработает часы, которые он вчера разбил! – сурово обрезал Бернард. – Ты пойдёшь к нему и передашь письмо с моими инструкциями. Видеть его не хочу!

– А ты уверен, что он мне дверь откроет после вчерашнего?

– А ты можешь хоть одну мою просьбу выполнить? Или на всё у тебя будет отговорка? – взревел Бернард. Он схватил листок и начал нервно писать редакторское задание.

Жерар встал и молча ждал, пока отец допишет.

– Билеты и гостиница – всё за его счёт. И я ещё посмотрю, сколько потом вычесть из его зарплаты за часы. Иди... Да, – немного сбавив тон, добавил Бернард, – позвони мне из Лигона, как у вас там будут дела, договорились?

– Договорились, – легко улыбнулся Жерар, предвкушая хорошую поездку.

* * *

Когда сын вышел, Бернард встал и нервно зашагал по кабинету. Что-то тёмное поднималось в его душе. Он не хотел ворошить прошлое, которое похоронил вместе с первой женой, но это прошлое пробуждалось помимо его воли. И чем больше он думал, что Макс и Алис стоят на его пути, тем чаще вспоминал, как удачно погибла первая жена и оставила ему все деньги. Он уже забыл тот страх разоблачения, с которым жил несколько месяцев после её смерти. Когда всё обошлось и его вину никто не доказал – жизнь заиграла такими красками, что заглушила последние угрызения совести.

Но сейчас, когда мелькала мысль об устранении Макса, совесть всё-таки просыпалась. Он же любил его и её...

Бернард посмотрел в окно. Ветер гнал долгожданные дождевые тучи, обещая пролить дождь на город, изнывающий от жары. Париж, Париж... все сходили по этому городу с ума, а он, когда приехал в первый раз, не увидел в нём ничего романтического. Его больше интересовали деловые стороны мегаполиса. Лишь однажды он ощутил, что ему словно не хватает какого-то органа, дающего почувствовать прелести романтики. Бернард не любил об этом вспоминать, но сейчас это всплыло в сознании, когда он подумал об Алис.

Он уже женился на Катрин и с удовольствием прибрал к рукам их виноградники, а через несколько лет увидел, что из девочки-подростка, какой была молоденькая Алис, выросла красивая, нежная девушка. Его сердце начинало сильнее биться, когда она приветливо улыбалась, его руки становились влажными, когда он представлял, какой шелковистой была её кожа. Он с жадностью вдыхал её лёгкий аромат, когда она проходила мимо, и представлял, какие мягкие у неё локоны. Вот тогда он впервые понял романтику Парижа, проезжая по освещённым улицам и представляя, как мог бы гулять здесь с ней, с Алис... С Катрин у него никогда не возникало такого желания. А жаль...

Ну почему Алис досталась этому увальню без денег? Что она нашла в нём? Впервые Бернард понял, что ревновать можно даже чужую женщину, которая тебе не принадлежит.

Катрин раскусила его состояние. Она следила за ним подозрительным взглядом, но он не раскрывался, перенёс свою любовь на ребёнка Алис. И Максим стоил того – характер у него был в отца, а внешность и манеры – породы де Бошан. Теперь он вырос, и между Максом и Бернардом почти не осталось родственных чувств, во всяком случае, у Бернарда точно... Вмешался вопрос с завещанием. Слишком большой вопрос. Но он помнил, что это сын Алис и не мог решиться на то, на что решился с первой женой. Пока не мог.

Глава 12

"Я... никогда не входил ни в одну комнату без того, чтобы не объявить издали о своём приближении – кашлем, бессмысленным восклицанием..."

"А я вчера как раз подкрался без кашля и лишнего восклицания и много услышал полезного," – как-то отстранённо думал Макс, лёжа в квартире отца. Тот с утра ушёл на работу, заглянув к нему, чтобы проверить его состояние. Но Максим притворился, что крепко спит.

Он снова открыл Набокова и продолжил читать: *"... существует ли в мнимой природе мнимых вещей, из которых сбит этот мнимый мир, хоть одна такая вещь, которая могла бы служить ручательством, что вы обещание своё исполните?..."* Да, так и есть, наш мир – мнимый и ложный, где все друг другу лгут и не разрешают даже говорить о верности и правде.

Максим наконец встал, ощупал голову, ожидая, что она ответит болью под повязкой. Но ничего не болело, только в груди поселилась звенящая пустота одиночества. Как пророчески отец всучил ему "Приглашение на казнь", будто сам побывал в ситуации, подобной, что случилась с ним вчера. Хотя... пожалуй, у них с отцом сейчас одинаковое положение брошенных.

Домой ехать не хотелось, и разговаривать с отцом о том, что он будет делать дальше, тоже не было настроения. Надо идти работать на Монмартр, денег совсем не осталось.

Погода портилась, однако туристов и желающих получить портрет от французского художника было всё равно достаточно. Макс ощущал усталость, сдобренную проснувшимся похмельем и последствиями удара часами, но рисовал без устали. Он понимал, что Бернард потребует возмещения убытков, и не представлял, откуда взять такую сумму. Придётся всё-таки занимать у матери или отца.

Интенсивная работа измотала в конце, и голова загудела, но хорошей стороной стало то, что не было времени пожалеть себя. Иногда подсаживалась девушка, похожая на Валери, и тогда он ощущал в груди неприятное жжение. Рука уверенно выводила чужие черты лица, а разум хладнокровно замечал недостатки. Теперь он знал недостатки и любимой девушки. Бывшей любимой. Недостатки, несовместимые с любовью.

"Нет, ребята, – мысленно спорил он с Жераром и Валери, – вы считаете меня глупым романтиком и слизняком? Ваше право... Может, я таким и был. Но моей боли вы не увидите." От злорадной мысли губы его растянулись в улыбку, и девушка, которую он рисовал, улыбнулась ему в ответ. "Да, в этом мнимом и ложном мире нужно не отличаться от всех, иначе пригласят на казнь, как Цинцинната."

Жан-Пьер устало свернул мольберт и присел рядом с ним.

– Ты закончил или ещё порисуешь? – со вздохом спросил он.

– Наверное, тоже свернусь.

– Пойдём куда-нибудь сегодня?

Макс осторожно покачал заболевшей головой.

– Мне хватит уже приключений. Поеду к отцу, нужно денег занять.

– Тебе не хватает того, что ты зарабатываешь?

– Хватало бы, если бы не непредвиденные обстоятельства.

Вчера так напился, что сломал у дяди дорожные часы.

– Ничего себе, – присвистнул приятель, – а с чего ты так перебрал?

Но ответить Максим не успел. К своему изумлению он увидел подходившего к ним Жерара. Его походка была деловой, и в глаза он смотрел, ничуть не смущаясь, словно и не было вчера неприятного инцидента.

Брат поздоровался с Жан-Пьером и посмотрел на Макса строго, как на школяра-хулигана.

– Нам надо поговорить, Максим.

– А чего ты не позвонил? Боишься, что я брошу трубку?

– Может, и так.

– А то, что я тебе дам по шее, ты не боишься? – со злой усмешкой спросил Макс.

Жан-Пьер удивлённо уставился на него, но Максу было всё равно. Ничего объяснять приятелю он не собирался.

– Не боюсь. Я дам тебе сдачи, – спокойно парировал брат.

– Ладно, пошли. Я уже закончил.

Они зашли в ближайшее бистро и взяли по чашке кофе.

– Что тебе от меня понадобилось, дорогой братец?

– Макс, прекрати паясничать, – с интонацией старшего брата оборвал его Жерар. – У меня к тебе письмо от отца. – Он протянул ему листок от Бернарда.

Максим прочитал редакторское задание.

– А почему он хочет, чтобы я поехал? Ты же у него любимчик, а не я...

– Во-первых, я не могу, – Жерар едва заметно смутился, – а во-вторых, тебе надо отработать убытки, которые ты причинил моему отцу вчера. Помнишь, что случилось?

– О-о, помню хорошо... Сначала я был свидетелем человеческой подлости, а потом столкнулся с дядиными часами. И не знаешь, что хуже. Подлость я переживу, а вот за часы мне придётся долго расплачиваться. Так?

– Наверное, так.

Анализируя своё состояние, Максим с удивлением понял, что как-то быстро перешёл от злости и следующей за ней депрессии к странному равнодушию, словно вчерашнее спиртное, действительно, сослужило ему хорошую службу и сняло напряжение. Сейчас он почти спокойно воспринимал сидящего рядом брата, будто тот и не был его соперником. А может, злость вылилась уже тогда, когда они боролись на шпагах... Ему не хотелось вспоминать Валери, но не от ревности и обиды, а потому что в душе поселилось разочарование в

ней и досада на себя.

— Я звонить Бернарду не буду, передай ему, что завтра выезжаю в командировку. А ты куда-то собрался с Валери, я полагаю? — Жерар не ответил, только молча смотрел на него. — Да, понятно... Знаешь, я сегодня читал Набокова и думал, какой всё-таки слизняк этот Цинциннат — Марфинька ему о своих любовниках рассказывала, а он терпел...

Жерар смотрел, не понимая, и Макс понял, что с русской литературой его братец не знаком, но, словно издеваясь, продолжил:

— Так вот... Я не Цинциннат и тебе не советую таковым становиться, а то ещё казнят ненароком.

С этими словами он подмигнул опешившему брату и, не прощаясь, вышел на улицу.

* * *

От квартиры отца у него был ключ. Макс открыл дверь и почувствовал затхлый запах, в котором смешались и вино, и табак, и что-то ещё кислое, которым воняет обычно от помойки. Квартира представляла собой жалкое зрелище. С первого взгляда было понятно, что здесь давно не было женщины.

Максим прошёл в комнату и увидел спящего Николя. Он лежал на диване в одежде, а рядом, на полу, валялась бутылка из-под вина. Такое ощущение, что он пил прямо из гор-

ла...

– Папа, – Макс придвинул стул и попытался разбудить Николая, – папа, проснись.

Николя с трудом приоткрыл опухшие глаза и сфокусировал взгляд.

– А-а, Макс... ты пришёл.

– Папа, ты же утром выходил нормальный на работу... Я думал, ты бросил пить, а ты опять за своё.

С трудом приподнявшись, Николая попытался сесть, но у него это получилось только с помощью Макса. Выглядел он ужасно: несвежая рубашка была не заправлена, брюки помялись, чёрные густые волосы спутались и напоминали воронье гнездо.

– Твоя мать меня бросила, – пьяно вздохнул он, – и чем, по-твоему, я должен заниматься в одиночестве? Остаётся одна подруга, которая всегда со мной – бутылка.

– Я не хочу, чтобы ты так закончил жизнь. Уже все считают русских пьянчугами.

– Пусть считают, – махнул рукой Николая, – мне наплевать...

Макс хотел возмутиться, но внезапно понял, каково сейчас отцу. Если сам Максим ощущал свою молодость, и, даже страдая по девушке, он подсознательно верил, что обязательно встретит настоящую любовь, ту женщину, которая будет разделять с ним всё, что для него дорого, то отец уже не мог считать, что у него всё впереди. Впервые к отцу он

почувствовал жалость.

– Отец... – слова не находились, но он понял, что должен попытаться найти что-то, что будет важно для него, – но ведь у тебя есть мечта. Помнишь, ты говорил, что хотел поехать в Россию? Ты уже передумал?

Николя вскинул глаза, его мутный взгляд немного протрезвел.

– А ведь правда, хотел... и сейчас хочу. Кстати, я тебе не говорил... мне было стыдно, что я не ответил...

– На что не ответил?

– На письмо, – Николя опустил голову и замолчал, словно раздумывая, стоит ли продолжать. Потом с усилием встал и нетвёрдой походкой подошёл к полкам с книгами. Из толстого тома Достоевского он вынул конверт и вернулся к Макс.

– Вот, прочитай, – выдохнул он.

Макс с удивлением вынул письмо из конверта, даже не посмотрев, откуда оно.

"Здравствуйте, Николай Константинович! Меня зовут Михаил Елагин. Не удивляйтесь, что у нас одна фамилия. Да, мы дальние родственники. Позвольте мне не углубляться в наше фамильное древо, чтобы не утомлять Вас подробностями нашего родства. Не это главное для меня, а то, что среди множества расстрелянных и замученных в советских лагерях из нашего древнего рода почти никого не осталось. Я знаю, что Ваш дед и полный тёзка Николай Константинович Елагин не поверил в «счастье», которое должно было

наступит после революции и уехал во Францию. К сожалению, мои предки остались и почти все погибли.

И если бы не война, то неизвестно что было бы и с нашей семьёй. Мой отец Евгений Васильевич в первые дни войны ушёл на фронт. Через два года мы получили похоронку. А после войны мама так и осталась в деревне Архангельской области.

Теперь немного о себе. Я выучился и работал архивариусом, поэтому смог по архивам проследить нити нашего рода и чудесным образом нашёл Ваш адрес. Теперь, когда можно не опасаясь общаться со всем миром, хочу пригласить Вас к себе в гости. Вдруг Вы скучаете и хотите побывать в России, но не решаетесь. А так Вы будете знать, что здесь жили не только Ваши предки, но и сейчас живут люди, которые будут рады встречи с Вами. И один из них Ваш покорный слуга Михаил Елагин (ныне священник отец Михаил). 12.10.2010 год"

– Папа, ты ответил ему?

Отец отрицательно покачал головой.

– Почему?

– А что отвечать? Я не хотел тогда ехать и мне стыдно было его разочаровывать. Пусть думает, что письмо не дошло.

– Зачем же тогда мне показываешь его через три года?

– Оно не даёт мне покоя... Я хочу туда поехать, но, знаешь... когда тебе уже за шестьдесят и ты дальше своего города никуда не выезжал, решиться на такое путешествие не так-то просто.

– А чего ты хочешь от меня? Чтобы я поехал?

– Не знаю... Решай сам, я не буду ни на чём настаивать.

Максим задумался.

– Вот что... Сейчас мне всё равно надо ехать в командировку на Украину, – отец вскинул удивлённо голову, – а потом, может быть... Да, кстати, мне нужны деньги на поездку. Бернард разозлился на меня за вчерашнее, – Макс смущённо почесал голову, – и сказал, чтобы я ехал за свой счёт. А у меня денег не осталось. Одолжишь?

– Возьми там, в столе... – махнул рукой отец, – бери больше, можешь не возвращать. Я всё равно пропью...

Было больно слышать такие слова.

– Отец, – он приобнял его за плечи, – давай договоримся, что каждый из нас что-то пообещает: ты обещаешь не стать пьяницей, а я даю слово, что съезжу в эту... – Макс посмотрел на конверт, – деревню Каф-та-но-во. Ладно? А потом, если мне понравится, съездим вместе. Договорились?

Отец уже смотрел веселее.

– Договорились. Кстати, я был на Украине ещё в девяностых годах, мне там очень понравилось. А какие там девушки красивые...

– Меня сейчас девушки мало интересуют, да здесь и своих хватает, но в целом звучит обнадеживающе.

Соорудив на скорую руку лёгкий ужин, Макс накормил отца, с удовольствием поел сам и отправился домой, чтобы начать собираться в дальнюю дорогу. Было волнительно ду-

мать, что он поедет наконец-то в ту часть земли, которая совсем недавно была Россией. Значит, там русские люди, русский язык, привычки, обычаи, о которых он читал, но почти не встречал в жизни. Это был другой мир, который его манил и немного пугал. Макс смутно опасался, что, однажды уже переступив черту этого мира, он не захочет возвращаться обратно. Но всё его естество противилось этому, потому что одновременно с этим он ощущал себя французом до мозга костей... Стоп... Вот только это он ненавидел...

Елисейские поля стояли в громадной пробке. Сначала Максу показалось, что по улице идёт очередной карнавал, но, приглядевшись, он понял, что ошибся... Это был гей-парад. Радужные флаги уже не радовали глаз, как в детстве, а внушали отвращение из-за оголённых людей, проходивших под ними. Да и людьми бы Макс их не назвал. Они напоминали ему сказочных чудовищ, развратных, пошлых, уродливых. Их кривлянье, поцелуи и неприличные жесты вызывали у него отвращение. К горлу подкатила тошнота, и Макс пожалел, что поужинал у отца. Он пытался отвернуться, но куда бы ни падал взор, везде стояли или шествовали парочки и группы безумцев, выставяющие свои отвратительные тела напоказ. Звучала музыка, ехали грузовички с похабными танцорами. Им было весело, а Макса тошнило...

На следующий день он улетал в Киев. Покидать Париж, как всегда, было немного грустно. Единственно, что отравляло воспоминание о родном городе – это вчерашнее ше-

ствие. Говорят, что на Украине, так же как и в России, такого не бывает. Одно это придавало оптимизма, и Макс уже жаждал познать новый мир, к которому принадлежала часть и его души.

Глава 13

В самолёте не чувствовалась духота лета. Кондиционеры так охлаждали воздух, что Макс пожалел, что не взял куртку. Рядом так же зябко повёл плечами здоровый парень, по виду американец. Можно было даже не спрашивать, откуда он, парень всё время жевал жвачку.

– Привет, я Майкл, из Бостона. А ты француз или испанец?

– Привет, француз, – на английском ответил Макс. – Я Максим или Макс.

– Куда направляешься? В отпуск?

– Нет, я журналист. Я собираюсь посетить Чернобыль и экофорум в Киеве.

– Классно! – глаза янки загорелись, – особенно первое. А я как раз думал, куда податься на экскурсию. Поедем вместе? – улыбаясь во всю ширь, спросил белобрысый американец с квадратной челюстью.

Макс пожал плечами.

– Поедем, вместе веселее.

– Точно!

Восторженный тон нового приятеля немного напрягал своей громогласностью. Но Максим надеялся, что он не всё время будет с ним общаться. Надо было почитать материал про Чернобыль, чтобы на месте сделать правильные снимки.

– Ты извини, мне надо поработать перед экскурсией, – открывая ноут, сказал он Майклу.

– О! Конечно, – снова заорал тот, – работай, приятель, я не буду мешать!

Это обещание немного успокоило, но Максим подозревал, что долго молча сидеть американец не сможет. Так и произошло – егохватило минут на двадцать. Потом принесли еду, и Макс ознакомился с биографией нового друга, рассмотрел все фотографии его жены и детей, узнал много нового о работе менеджера в большой компании по продаже электроники и ещё массу ненужных сведений о жизни в Бостоне.

Со вздохом облегчения он услышал объявление о посадке в Киеве. Они быстро прошли паспортный контроль, даже слишком быстро. Макс с любопытством оглядывал людей и сам аэропорт, но не находил никаких особенных отличий. Аэропорт, конечно, нельзя было сравнивать с парижским – довольно старый и маленький, а люди... такие же, как во Франции. Отличие он понял чуть позже, когда вдруг обнаружил, что кругом одни белые и совсем нет арабов.

– Видел, видел? – с круглыми глазами прошептал Майкл, – какие девочки...

Он закатил глаза и восхищённо щёлкнул языком. Но Макс не собирался ни смотреть, ни знакомиться с девочками. Иногда словно молния прожигала сердце мысль о Валери, но он не разрешал себе углубляться в горечь воспоминаний, давая себе слово ни с кем в ближайшее время не сближаться.

И сейчас он выискивал глазами агента туристической компании, с которым договорился по телефону из Парижа. Наконец он увидел надпись "Чернобыль. Автобусная экскурсия" и потянул за рукав Майкла.

– Нам туда, видишь?

Тот суетливо повертел головой и, согласно кивнув, направился вслед за ним к агенту.

Маленький и далеко не новый автобус не так удивил Макса, как украинский водитель, мужчина лет сорока, поглощённый большим планшетом и телефоном, а вовсе не дорогой. Самое поразительное для Макса было то, что сидящие на переднем сиденье два гида, Игорь и Виктория, нисколько не нервничали, как будто такое вождение было в порядке вещей.

Макс украдкой попытался разглядеть славянскую девушку. В первый момент он согласился с Майклом, который сразу показал палец вверх, указывая на неё. Однако чуть позже в глаза бросилось, что милое девичье лицо было слишком разукрашено. Его бывшая – сердце неприятно кольнуло – Валери всегда стремилась к естественности, в том числе и в макияже. Поэтому на её лице никогда не выделялись губы, или длинные, слишком длинные, ресницы, или размалёванные, как у куклы, щёки.

А здесь было и то, и другое, и третье. Наверняка Виктории хотелось серьёзных отношений, но с такой раскраской украинская девушка добилась обратного эффекта. Даже её

напарник, Игорь, смотрел на неё свысока и отвечал порой довольно грубо.

Сам Игорь был обыкновенным. Если бы Макс встретил его в Париже, то не стал бы задумываться о его национальности. Впрочем, что-то славянское в нём всё-таки было: во-первых, небольшая русая бородка, а во-вторых, широковатое лицо с чуть курносым носом. Но всё в меру, и, в отличие от напарницы, он производил впечатление серьёзного, умного молодого человека.

Макс слышал их разговоры. Они говорили о семьях, о деньгах и, конечно, о "долбанных иностранцах, которых, по счастью, ещё интересует Чернобыль, а то бы им пришлось искать новое место." Макс никому не сообщил, что понимает русский язык. Почему он это сделал – он и сам не понимал, зато теперь он узнал, что о них думают местные, и это было интересно.

– Смотри, чтобы с америкосом ничего не случилось, – негромко инструктировал подругу Игорь, – если поведёшь их в дома, не дай Бог, на американца что-нибудь свалится и зашибёт. Лучше пусть свалится на тебя, поняла? Тогда проблем не будет – скажем, что осматривали в целях безопасности туристов. А если пострадает американец... тот, который всё время жуёт, лучше нам не возвращаться в Киев – зашибут братья-гиды, которых больше не пустят сюда. Поняла? – переспросил он.

– Да поняла, поняла, – раздражённо ответила Виктория,

глядя в окно, – смотри, подъезжаем к пропускному пункту... Господа туристы, приготовьте ваши паспорта, пли-и-из.

Микроавтобус затормозил возле надписи «Припять», и из маленького домика показались двое полицейских. Игорь с дозиметром в руках тоже вышел из автобуса и стал проверять уровень радиации. К большому облегчению всех туристов уровень оказался довольно низким. И хотя заранее об этом было всем известно, всё-таки убедиться своими глазами – это совсем другое дело.

Они ехали по заросшей местности, которая совсем не напоминала выжженное поле или пустыню. Наоборот, было заметно, что поля, где раньше что-то высаживал человек, теперь превращались в лес. Была середина лета, и большие бабочки перелетали с цветка на цветок. Лёгкий ветерок шевелил густо-зелёные деревья.

Гиды рассказывали, что в лесах теперь обитают в большом количестве лоси, кабаны, волки и даже редкие виды лошадей.

"Мы по Чернобылю едем или по заповеднику?" – думал Макс, не понимая, что он здесь должен снимать. Его приятель тоже недоумённо вертел головой, пока не найдя вокруг ничего интересного.

Но вот, за небольшим перелеском, показались заброшенные здания Припяти. Они вышли из автобуса и под руководством гида осторожно стали заходить в брошенные квартиры, в школьные классы, где валялись детские рисунки, в ма-

газины, где раньше можно было купить мороженое... Да, всё это выглядело как сбывшийся апокалипсис. Особенно поразила парк аттракционов, который как раз собирались открыть 1 мая 1986 года. Авария случилась неделей раньше, и на этих аттракционах так никто и никогда не покатался.

Максим вспомнил экскурсию по Риму, древним сооружениям которого скоро исполнится две тысячи лет. Но от посещения римских развалин не было такого гнетущего впечатления, как сейчас. В нынешней экскурсии было что-то ненормальное.

Сначала он подумал, что Чернобыль похож на кладбище, но от места упокоения людей не бывает такого тяжёлого чувства. Скорее, это походило, как если бы они из любопытства осматривали место преступления и ещё бы наняли экскурсовода: "Вот здесь человека зарезали, а здесь он упал. Видите, сколько крови натекло из раны? А вот тело волокли к машине..." Бр-р-р... Если бы не журналистское задание, он ни за что бы сюда не поехал.

Они издалека смотрели на купол саркофага, высотой в сто десять метров, под которым пряталась злобная "слоновья нога" – масса чудовищной радиации застывшего ядерного топлива. Один час рядом с этой «ногой» может стать последним для человека.

Не хотелось фотографировать то, что уже в изобилии пестрело в интернете. Нужны были другие пронзительные кадры. Что это может быть?

Макс задрал голову вверх. Над Зоной летали пустельги. Они долго кружили над саркофагом, потом над головами людей. Макс забрался повыше на какой-то аттракцион и попытался совместить этих птиц – прекрасных созданий природы – и зловещий саркофаг – дело рук человеческих... Пожалуй, лучше кадра не придумать.

* * *

Обратно ехали уставшими и морально, и физически. Американец заснул, но даже во сне продолжал ритмично, хотя и медленно, двигать челюстями.

От уставших гидов в адрес туристов Макс наслушался немало нелестных слов. В разговоре между собой они не скрывали презрения к охотникам за острыми ощущениями. А может, здесь сквозила зависть к тем холёным западным обывателям, которые платили за одну экскурсию столько, сколько они зарабатывали за месяц.

– Ты будешь брать завтра выходной? – спросила Вика.

Игорь отрицательно покачал головой.

– Я уже забыл, что такое выходной. Семью вообще не вижу. Наверное, Ксюха скоро меня бросит, если её кто-нибудь с двумя детьми возьмёт.

– Да ладно тебе, не преувеличивай, – легкомысленно махнула рукой Вика.

– Я не преувеличиваю, – мрачно возразил Игорь. – Зна-

ешь, раньше я думал, что в Советском Союзе мои родители были рабами. А сейчас понял, что ничем от них не отличаюсь, если только в худшую сторону.

– Это почему же?

– Я не вижу жену, не вижу детей. Ухожу в семь утра – они ещё спят, прихожу поздно – они уже спят. Я тоже раб, не принадлежащий себе, только раб денег. Ты считаешь, это лучше, чем в Советском Союзе? Я не уверен. С каждым годом становится всё хуже и хуже. Зарплаты меньше, а цены выше. Да ты сама разве не видишь?

– Подожди, скоро вступим в Евросоюз, будет полегче, – улыбнулась Вика.

– Ты дура или прикидываешься? – сурово оборвал её собеседник. Она взглянула обиженно. – Кому мы нужны в ЕС с дырками в карманах? Ты думаешь, что немцы спят и видят взять нас на баланс? Так что ли?

– Откроют границы, поеду в Краков или в Варшаву учиться, а может, даже в Париж. Английский я знаю, – упрямо твердила девушка.

– Учиться ты можешь где угодно. Только денежки выкладывай, а вот спроси у французишки – много у них рабочих мест припасено для тебя? Так он тебе расскажет, как безработные толпами ходят по Парижу и требуют от правительства пособия. Хочешь к ним присоединиться?.. Мне кажется, нас, украинцев, гонят по какому-то тоннелю... И если захочешь с него свернуть, то тебя, скорее, грохнут, но свернуть

не дадут. А ты... Евросоюз...

Девушка надулась и ничего не ответила.

Максим слушал, затаив дыхание и не поворачивая головы. Его поразили грубые слова Игоря, и вдруг показалось, что в них была жестокая правда, которую никто ещё не знает, но волей-неволей предчувствует.

Глава 14

Машина ехала плавно, почти не останавливаясь на светофорах в ночном Петербурге. Водитель знал своё дело. Александра с мужем сидели молча, не желая продолжать лицемерные разговоры, в которых им пришлось участвовать на приёме у консула. Но вскоре Саша увидела, что Кирилл стал искать повода для беседы, и ещё больше отвернулась к окну.

Они официально числились супругами, потому что после его загула, по требованию её отца, бывшего офицера ФСБ, не развелись. И вот теперь ей надо было притворяться и ходить с Кириллом на мероприятия, которые обязательны для работника филиала МИДа. Однако она заметила ещё на вчераше, что дорогой муженёк снова возымел к ней интерес, и это её раздражало.

Он тихонько тронул её руку, спрятанную под длинный лёгкий шарф, но она сразу отдёрнула её.

– Саша, – прошептал он, – давай поговорим.

– О чём? – не поворачиваясь, глухо спросила она.

– Саша, ты очень красивая, и я часто жалею, что мы не живём теперь вместе.

– Вот как? Часто? Но бывают такие минуты, когда ты утешаешься в объятиях других женщин, так?

– Тише ты, – Кирилл испуганно посмотрел на водителя, но ей было всё равно. Даже забавно было видеть, что он тоже

чего-то боится. Она откинулась назад и строго посмотрела на мужа.

– Что ты от меня хочешь?

– Я хочу третьего ребёнка, – прошептал он интимно и попытался её поцеловать, но она была начеку и поставила руку между его губами и своими.

– Оставь меня в покое, – твёрдо произнесла она, – тебя не устраивает фиктивный брак? Тогда давай разведёмся, возврата к прошлому для меня нет.

– Ты не поняла, что я сказал? – вдруг властно одёрнул он её и схватил за руку, так крепко сдавив, что она чуть не вскрикнула. – Я хочу от тебя третьего ребёнка. Я люблю наших детей и хочу, чтобы ты родила девочку.

Это было правда – он очень любил их двойняшек, мальчишек десяти лет, в которых Саша и сама души не чаяла. Но сидеть дома, одной, да ещё беременной, ей больше не хотелось. Кроме детей она дорожила своей работой – журналистикой. А работала она в Rasha Today. Офис редакции находился в Москве, и, несмотря на новые технологии, приходилось часто ездить в столицу. Выручала мама, да и папа тоже. Но отец разрешил ей работать только с тем условием, чтобы она не разводилась с Кириллом. Детям нужен отец, а работнику МИДа нельзя быть холостым, поэтому ей пришлось принять эти условия. И вот теперь сюрприз...

– Об этом не может быть и речи, – с ненавистью глядя на его холёное красивое лицо, ответила она, вырывая руку. – Я

не заводская кобыла, а такой же человек, как и ты, и у меня есть свои планы на жизнь.

Он тоже взглянул на неё более пристально своими водянистыми глазами, и рот его перекосился от ярости.

– Ты забыла нашу договорённость? Пока ты моя жена, можешь ездить за границу. Как только разведёмся, твой отец будет на моей стороне, и дальше деревни Пупырышки никуда не выедешь.

– Я помню и поэтому не подаю на развод. Мне наплевать на штамп в паспорте, замуж второй раз я всё равно не выйду. Но спать с тобой, а тем более рожать третьего ребёнка я не собираюсь.

– Посмотрим, – гадко ухмыльнулся Кирилл. – Я сегодня ночью у тебя, вернее, у себя дома. Соскучился по мальчишкам.

Ей нечего было возразить. Только беспокоила смутная мысль, что замок в её комнате был сломан. Но можно подвинуть к двери тяжёлый комод. Что она и сделала. Пока супруг общался с мальчишками, которых бабушка уже уложила в кровать, Саша, пожелав всем спокойной ночи, быстро побежала в свою комнату и стала двигать тяжёлый комод к дверному проёму. И вовремя. Через минуту дверь дёрнулась.

– Саша,пусти меня, пожалуйста, – из-за двери попросил он.

– Нет, – её сердце билось учащённо, но уступать она не собиралась. – Иди к себе в кабинет ночевать, а лучше уезжай.

– Ты пожалеешь об этом, – угрожающе прошептал он.

– Я уже пожалела, что вышла замуж за тебя, – стоя за комодом, спокойно ответила Саша. Она раздела вечернее платье и, разговаривая с Кириллом, смотрела на себя в зеркало и вздыхала: талия тонкая, но грудь маленькая и слишком толстая попа. Далеко не идеальная фигура. Да ещё и ростом не вышла – метр шестьдесят три всего. Когда-то Кирилл восхищался её длинной густой косой, но после его измены, в отместку супругу, она обрезала её и подстриглась под мальчишку. Сейчас волосы чуть отросли, и ей понравилась короткая стрижка каштановых волос – в командировках меньше возни с причёской.

Из всех достоинств только и есть, что длинные тёмные ресницы на карих глазах, опять-таки не надо заморачиваться с макияжем...

Саша понимала, что Кирилл не будет устраивать скандала при тёще. Так и вышло – вскоре она с облегчением услышала, как громко хлопнула входная дверь.

На следующий день надо было собираться в Москву, на вечерний поезд. Рано вставать было необязательно, однако мальчишки ни свет ни заря прибежали пожелать доброго утра. Егор и Саня были неотличимы для всех, кроме неё и, конечно, бабушки. Даже отец и дед не могли распознать, кто из них кто. Тем более, что проказливые сорванцы ни минуты не сидели на месте. Их тёмные кудри, в мать, мелькали сразу во всех углах одновременно.

– Привет... привет, мамуля, – они чмокнули её с двух сторон, и тут же, на кровати, началась возня с подзатыльниками друг другу, щипаниями и хохотом.

– Так... – через минуту, теряя терпение, она властно крикнула: – а ну-ка брысь с кровати! Скажите бабушке, пусть поставит чайник.

Мальчишки скатились на пол и через несколько секунд уже бежали на кухню – кто быстрее. Как всегда победила дружба, потому что крик, чтобы они успокоились, раздался уже с кухни.

Что взять с собой в Москву? Лето выдалось жаркое, но могут быть официальные мероприятия, и лёгкого сарафана явно недостаточно. Вздохнув, она открыла шкаф и стала доставать летние вещи, которые в Петербурге носились мало, потому что тёплое время в их городе было слишком коротким.

Она примеряла каждое платье и бегала к маме на показ. Саня и Егор сидели тут же и её появление встречали аплодисментами.

– Ну как? Хорошо? Я не слишком толстая? – всё время спрашивала она. Когда Саша сообщила, что наряды закончились, мальчишки подвели итог:

– Мама, у тебя все платья красивые, только мятые, – глубокомысленно заметил Егор.

– И ничего ты не толстая, – заметил Саня, – а если даже толстая, то всё равно красивая.

Последнее замечание было особенно утешительным, но тут уж ничего не поделаешь, что есть, то есть... Мама попросила привезти ей из Москвы какой-то пастилы, которую она не могла найти в Питере, и пообещала, что последит за мальчишками. Расцеловав пацанов, Саша вызвала такси и поехала на Московский вокзал.

Разъезжала она часто, но нисколько этим не тяготилась. Папа даже прозвал её "лягушкой-путешественницей". Да, она очень любила путешествовать. Может, и журналисткой стала потому, что эта работа дарила ей новые впечатления, такие яркие и нужные после скучного сидения в декрете.

Чаще всего она ездила с одним и тем же оператором – дядей Мишей. Он был намного старше её и знаком с отцом. Иногда ей казалось, что папа их специально познакомил, чтобы дядя Миша приглядывал за ней. Но даже если так, она ничего не имела против – он был отличным оператором и фотографом. А главное, он был молчаливым и ненавязчивым. С ним было спокойно и надёжно. Когда приходилось много ездить по России, он удивительным образом находил транспорт и ночлег. Даже на этот поезд билет достал он – в выходные дни на такой удобный экспресс оставались билеты по цене золота, но дядя Миша умудрился достать подешевле.

– Привет, дядя Миша, – весело кивнула она. Он кивнул в ответ и сразу подхватил её чемодан.

– Куда тебе столько вещей на два дня?

– Пригодятся. Бабушка, небось, уже придумала культурную программу... Кстати, секретарша Леночка намекала, что у шефа для меня командировка намечается. А ты сможешь со мной поехать?

– Куда командировка-то?

– Вроде в Киев.

Дядя Миша поморщился.

– Так ты поедешь со мной? – снова спросила она, пока они шли по перрону и искали нужный вагон.

– Поеду, конечно, – со вздохом ответил он, – куда же я денусь? Только не нравится мне Киев.

– Почему? Хороший город, красивый. Правда, сейчас там жарко.

– Вот именно, жарко, – ворчливо заметил он, – но не в погоде дело.

– А в чём? Договаривай, дядя Миша.

– Обстановка там дурная. Националисты повылезали из всех щелей, как тараканы. Наши ребята ездили – говорят, как узнают, что русские, так волком смотрят. Хоть не говори по-русски.

– Да брось ты, дядя Миша, там все по-русски говорят, так что мы не будем отличаться.

– Ну-ну, посмотрим, – хмуро бросил он.

В Москве они остановились у бабушки. Так уж получилось, что отец был москвичом, здесь остались его родители. Но дедушка умер, а бабушка вела светский образ жизни и

застать её дома было трудно.

– Бабуля, как же ты в субботу и не на выставке? – с порога спросила Саша, обнимая пожилую женщину с царственной осанкой.

– Ещё не вечер, дорогая... Здравствуйте, Михаил Иванович, проходите. Я постелила вам в кабинете, если захотите отдохнуть.

– А что будет вечером? – скидывая босоножки, спросила Александра.

– Вечером мы с тобой идём в «Современник» на новый спектакль.

– Ну и ну, с корабля на бал. Надеюсь, спектакль в классической постановке? Ты же знаешь, я не люблю современных...

– Знаю, какая ты ханжа, не волнуйся – в классической.

Вечером они пошли на Чехова. А на следующий день Саша с самого утра застряла в редакции.

– Вы можете мне объяснить толком – мне надо прочитать доклад на экофоруме или сделать репортаж?

– И то и другое, – терпеливо объяснял пожилой редактор Евгений Сергеевич, с когда-то пышной кудрявой шевелюрой. Но, видимо, от постоянного стресса в самой середине головы начала лысеть, и Саша подозревала, что со временем он будет похож на одуванчик, с которого сдули часть пушинок.

– Александра Фёдоровна, ты о чём думаешь? Что ты смот-

ришь на мою бедную лысину? Ты поняла задание?

– Да поняла, поняла... Только почему я должна читать этот доклад? Больше никому?

– Некому. С тобой должна была поехать эколог, но она заболела и попросила, чтобы ты прочитала несложный текст по бумажке. Тебе же не трудно? А тема-то серьёзная – атомные реакторы на этой чёртовой Украине хотят перевести на американское топливо. Представляешь, если рванёт? Мало никому не покажется.

Саша задумалась – а действительно, о чём они думают? В Мариуполе у неё жила вторая бабушка – мамина мама. Хорошо бы её навестить после Киева. Надо папу с мамой предупредить.

* * *

По возвращении в Петербург, прямо с вокзала она поехала к отцу. Фёдор Николаевич тяжело вышагивал по большой квартире в сталинском доме и раздумывал. Старый паркет скрипел под военными ботинками. Он только пришёл с академии, где продолжал читать лекции будущим разведчикам, а тут такая новость – дочка хочет ехать на Украину.

– Мне тревожно на душе, Саша, там очень беспокойно сейчас. Наши западные партнёры что-то готовят...

– Папа, но я не на политические темы пишу, что мне политика?

– Ты не понимаешь. Теперь любой русский человек становится персоной нон-грата в "Стране Чудес". Ладно, попрошу Мишу получше за тобой приглядывать. А мужу ты сообщила, что едешь?

– Ещё нет, – тихо сказала Саша, представляя, что ей ответит Кирилл.

– Без его согласия никуда не поедешь, – отрезал отец, – только если он согласится, тогда пусть мне позвонит. Иначе не пущу.

– Папа, мне уже двадцать восемь лет, у меня двое детей, – со слезами в голосе сказала она, – почему я чувствую себя пятнадцатилетней девочкой, которую опекают взрослые? Я не собственность Кирилла и не маленькая, чтобы вы мне указывали, что делать!

Отец смягчился и присел рядом, беря её за руку.

– Глупая... конечно, ты взрослая женщина и мать. Мы все тебя очень любим, но из-за этого ещё больше волнуемся. Ты же знаешь, я больше владею информацией о любой стране, даже сидя дома, чем ты можешь собрать, бегая с высунутым языком. Поэтому мои слова не пустой звук. На Украине становится опасно.

– А причём тут Кирилл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.